

АЛЕКСАНДР КРАСНИЦКИЙ

РЮРИК- ВИКИНГ

Александр Красницкий
Рюрик-викинг (сборник)

«Алгоритм»

2014

УДК 82-94
ББК 85

Красницкий А. И.

Рюрик-викинг (сборник) / А. И. Красницкий — «Алгоритм»,
2014

«В тот же миг тяжелая секира Рюрика опустилась. Послышался стон и чье-то тело тяжело рухнуло на землю.— Изменник, предатель – своих бьет! – заревела толпа.Рюрик ничего не слышал. Он мельком кинул взгляд и увидел около себя ярлов Аскольда и Дира. Лица юношей горели восторгом. Они, очевидно, вполне разделяли взгляды своего вождя».В реках крови рождалась российская государственность. Кровь славян и кровь викингов смешалась так, что до сих пор не утихают споры: кем был Рюрик? Откуда пошла русская земля? Захватывающие романы Александра Красницкого отвечают на эти вопросы.Для всех ценителей исторической и приключенческой литературы.

УДК 82-94
ББК 85

© Красницкий А. И., 2014
© Алгоритм, 2014

Содержание

В дали веков	5
Ильмень	5
Пророчество	5
В солнечный день	7
Первая искра	10
Славянские ручьи и русское море	13
Кудесник	15
Завеса грядущего	18
На Варяжке	21
В объятиях смерти	23
Старый норманн	25
Милость неведомого бога	27
Вероломство	29
Жрец Перуна	31
Меж двух огней	34
Радость и горе	36
Спасенный	38
Предсказание	40
Варяги	44
Сокол	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Красницкий Рюрик-викинг (сборник)

В дали веков

Ильмень

Благословен грядый во имя Господне!
Св. Евангелие

Пророчество

Это было вскоре после крестных страданий и смерти Иисуса Христа.

Он умер на кресте плотию, заповедав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть о Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигла до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира.

Но Божественный Учитель наш еще до своей крестной смерти заповедал ближайшим своим ученикам разнести эту благую весть повсюду, где только есть люди.

Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье? Все это, все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества.

И вот святые апостолы разошлись по всему тогдашнему миру, всюду проповедуя слово Божие и всюду разнося радостную весть кроткой братской любви, всепрощения и тихого мира в сердцах человеческих.

Одни из апостолов избрали для проповеди страны более близкие к Палестине, где протекала жизнь их Божественного Учителя, где Он страданиями своими искупил грех прародителей. Они пошли в Грецию, в Рим, в Африку. Там уже сам языческий мир своим особым складом мышления приготовил благодатную почву для восприятия нового учения. Предстояла, правда, борьба, тяжелая борьба с язычеством, но апостолы и их ученики были уверены, что в этой борьбе они победят, рассеяв своим убежденным словом тяготевший целые века над человечеством мрак.

И они пошли туда, смелые, готовые на все, даже на самые страшные мучения, ради исполнения своего святого долга.

Другие же из них для себя избрали совсем иной путь.

Они пошли в неведомые страны, в земли, на которые даже гордый Рим не находил нужным обращать свое внимание. Среди них был и святой апостол Андрей, который был одним из первых учеников Иоанна Крестителя, а потому и назван Протоклетосом, то есть Первозванным.

Он вместе с братом своим пошел принести благую весть о спасении совершенно «варварским» народам, обитавшим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Самой плохой славой пользовались эти народы в древнем мире. Чем-то нечеловеческим отзывалось в представлении даже образованнейших народов того времени – римлян и греков – понятие «скиф».

Целые легенды сложены были о них. Говорили, что скифы не обыкновенные люди, а ужасные существа, имевшие наполовину туловище человека, наполовину – лошади.

Они, скифы, были рассеяны на огромном пространстве земли.

Жили они отдельными племенами, не зная никаких других занятий, кроме охоты. Между ними не было никакой связи, хотя они все говорили на одном языке и молились одним богам. Каждый, даже самый маленький род управлялся по-своему. Твердых начал власти у них не было и в помине. Вечно они вели между собой ожесточенные войны, и никогда между ними не было дружбы и согласия.

К этим-то ужасным скифам и понес благую весть первозванный святой апостол.

Постепенно он обошел все побережье Черного моря и наконец прибыл со своими спутниками в таинственную, пустынную Скифию.

Напрасно искал апостол людей, которым бы он мог проповедовать благую весть. Их было слишком мало на этих беспредельных пространствах, сплошь покрытых или девственными лесами, или заросшими гигантской травой степями. Однако апостол не был смущен этим. Он смело шел вперед по неведомому дикому пути, пока не достиг устья великой реки – Днепра. Совершенно верное предположение, что по берегам этой реки должны были жить люди, заставило апостола скорее идти к ее верховьям.

Чудная природа страны также влекла его в эту неведомую даль, где он должен был впервые возвестить ее диким обитателям слова любви и мира. Эта природа не была так пышна, как на его родине – в Галилее. Солнце здесь не палило землю лучами своими, напротив, оно только ласково обогревало ее, как бы возвращая к жизни после всемертвящего сна долгой северной зимы. Трава степей, зеленая листва дубрав не были слишком яркие, но в них преобладал нежный оттенок. Сам климат был нежен, воздух не дышал зноем. Ветерок в своих легких порывах то и дело приносил отрадную прохладу.

Да и сами обитатели этой неведомой никому дотоле страны были совсем другие.

Рослые, статные, дышащие физической мощью, с русыми длинными волосами, с открытым доверчивым взглядом голубых, как само небо над ними, глаз, – как резко отличались они от соотечественников апостола Андрея, грубых, алчных, фанатичных до мозга костей израильтян, от хитрых, вероломных, всегда готовых на любое предательство греков, от гордых, презирающих все на свете, уверенных в своей мировой силе римлян, уже близких тогда к упадку.

Это был новый, свежий народ, в котором на много-много тысячелетий хранился запас великих душевных сил.

Этого народа-младенца пока еще не коснулось разложение.

Он жил, как дитя, но в этом дитяти свежи и без гнили таились семена правды и любви. Этот народ нелегко отдавался первому своему впечатлению. Он не был способен на эффектное мученичество, но был готов тихо, незаметно умереть за то, что считалось правым. Он жил по заветам своей страны, был верен этим заветам, но врожденный здравый смысл в то же самое время позволял ему ясно видеть и то хорошее, что могло быть вне преданий его дедов и прадедов.

Этим народом были славяне, наши предки.

К ним-то и явился с вдохновенной проповедью апостол Божий.

Он со своими спутниками шел вверх по великой реке славянской – Днепру. Он шел, и с каждым его шагом вперед по этой неведомой стране высшая сила, сила небесная, озаряла вдохновенную душу апостола.

Одаренный высшим разумом, он своим взором, проникавшим через завесу будущего, ясно видел, что этой стране предстоит великое дело – стать истинной хранительницей заветов Христа, что придет время, когда свет истины засияет в ней и многие тысячелетия будет гореть ярким пламенем в сердцах ее обитателей.

С такими мыслями дошел апостол до того места, где берег Днепра отвесной стеной возвышался над гладью реки. Это была целая гора, покрытая в то время лесом у своей подошвы.

Апостол не замедлил взойти на самый верх этой горы.

Чудная картина открылась перед ним.

Синей лентой извивался, идя из неведомой дали, величавый Днепр, а вокруг него, насколько мог видеть глаз, тонули в беспредельном пространстве необозримые зеленые степи.

Сердце апостола забилося. Он чувствовал, что сошла в его душу неземная сила, и, не желая бороться с овладевшим им волнением, он, благословив все, что было перед его глазами, пророчески воскликнул: «Благословение Господа Нашего над землей этой. Отныне и вовеки воссияет здесь благодать Господня!»

Прошли века.

Вскоре после провозглашения великой воли небес апостол Андрей Первозванный, призвавший благодать Господню на земли славянские, мученически кончил жизнь свою. Во время проповеди на Патрасе он был схвачен по приказанию римского проконсула Эгея и распят головой вниз на восьмиконечном кресте.

Так закончилось вдохновенное свыше дело святого проповедника благого учения Христа на земле.

Но с земной его кончиной его великое дело не умерло, не заглохло, а все росло и укреплялось. За Христом следовали уже целые народы. Ради Него христиане тысячами гибли на арене римского Колизея. Христианство все более проникало и развивалось в Риме и Греции. Оно вступило в отчаянную борьбу с язычеством, и близко было то время, когда оно должно было великим светом любви победить этого своего врага.

В Скифии, однако, ничто не подтверждало собой пророчества апостола, ничто не указывало на его близкое исполнение. Там все было по-прежнему. По-прежнему ласково, нежно светило с голубых небес солнышко. Так же, как и прежде, голубой лентой извивался среди безграничных степей и непроходимых лесов красавец Днепр.

Изменились только те горы, с которых вдохновенный проповедник вещал свое пророчество о великом будущем земли славянской.

Поредел дремучий лес на этих горах. Видны повсюду стволы вековых лесных великанов, под корень срубленных острыми топорами, видны невыкорчеванные пни, слышны веселый шум голосов, бряцанье железа, крики.

Птицы, привыкшие к недавнему еще безмолвию этой местности, с испугом улетають прочь. Они понять не могут, что делают здесь эти люди, зачем пришли сюда и разом нарушили царившую целые века мертвую тишину. Но птицы должны были бы привыкнуть ко всему происходящему теперь на этих высотах.

Не первый уже день, много-много десятков лет тому назад началось это.

Как это началось и как все устроилось – рассказать обо всем этом читателям и будет задачей нашего повествования, а для того, чтобы выполнить ее, нам необходимо перенестись нашим воображением на берега великого славянского озера Ильмень, вокруг которого жили племена коренных русских славян.

В солнечный день

*Отраден солнца яркий свет, он душу оживляет.
Старинное стихотворение*

Что за чудный летний день!

Право, давным-давно уже не выдавалось такого денька на суровом севере. Над Ильменем вечно небо хмурится, бродят по нему грозные тучи, каждый миг буря зареветь готова, гром – загрохотать, молния – засверкать.

А тут...

С выси поднебесной ярко, радостно веселое солнышко смотрит. Рассылает оно свои лучи по поднебесью, заливают светом своим веселым, радостным и поля, и дубравы, и Волхов старый.

Кто бы мог подумать, что с течением времени не только человек, но и сама мать-природа меняется. И заметно меняется. Многими фактами доказано, что тысячу с небольшим лет назад на севере нашей необъятной матушки-России климат не таков был, каков он теперь.

В самом деле, в те времена глубокой древности, когда начинается это повествование, климат России был совсем другой. Пока дикие, непроходимые леса покрывали собой всю среднюю и южную полосу от севера до востока, климат южной России был куда благоднее нынешнего. На севере же России и в средней полосе между лесами и болотами было значительно холоднее, чем теперь.

Да что древние времена! Еще в XVII веке виноград зрел в Киеве под открытым небом, а в южной России и представить себе никто из ее обитателей не мог таких холодов, которые свирепствуют там в настоящее время.

Теперь климат нашей матушки-России уравнился. На юге стало холоднее, на севере теплее. Прежде не то было. Оттого-то так и радуется народ приильменский веселому солнечному деньку. Редки они, деньки-то такие.

Особенно веселятся в роду приильменского старейшины Володислава, занявшего место над самым Новгородом, на левом берегу Ильменя, вблизи Перыни-холма, где стоял, возвышаясь над озером и сушей, гигантский идол грозного славянского бога Перуна-громовержца.

Могуч и богат этот род Володиславов. Немногие роды приильменские сравнятся с ним в могуществе, богатстве и многолюдьи. Сколько у него пушных одних товаров заготовлено к проезду людей урманских – видимо-невидимо! Меха у него и довольствия разного, на самом деле, обилие такое, какое другим родам и во сне не снилось.

Не только богат и могуч, но и самостоятелен род Володиславов. Ни от кого не зависит он. Даже к пятинам Ново-города не приписан, а уж на что этот последний усилился после того, как перенесли его со старого городища на левый берег да стали в него съезжаться и весь, и мера, и кривичи, и мужи торговые из далекой Скандинавии, направляясь из-за бурного моря славянского Нево по великому пути своему в далекую и пышную Византию.

Родовой старейшина Володислав никого не боится, а с ним никого не страшатся и его родичи.

Вот и теперь поет, играет родовая молодежь, собравшись на лугу за своим селеньем. Молодежь и тысячу лет тому назад была молодежью, даже, пожалуй, еще лучшею, чем теперь. Искренности в ней было больше, чувства не притупились еще, а о «нервах», без которых теперь никто «обойтись не может», и понятия не имели. Оттого-то всем так и отрадно, всем так и весело. Слышен искренний веселый смех – смех здоровый, раскатистый, видны покрасневшие от удовольствия лица, а нет-нет порой зальется, зазвенит и рассыплется звонкою трелью веселая песня.

А солнышко ласково, приветно смотрит на развеселившихся под его лучами молодцов и девиц-красавиц.

Даже старики выползли и греют на солнце свои старые кости. Сам Володислав с ними. Степенно, серьезно ведет он беседу, а сам нет-нет да и кинет любовный взгляд в сторону веселящейся молодежи, где с другими резвятся, поют и хоровод водят его дети.

– Слышал ты? – говорит Володиславу седой с выветрившимся лицом старик. – Есть из Ново-города вести, да такие, что очень позадуматься приходится.

- О Гостомысле ты?
- О нем, о посаднике новгородском.
- Больно мудрит он, да солеварам с Варяжского мирволит.
- Так ведь у них племянник его, Избор, старшинствует.
- Из-за него и поблажает! Как бы от этих солеваров беды всему Приильменью не было.

Большую они силу собирают.

– Много их за море уходит, да не мало и остается. Гостомysl с ними такую силу заберет, что весь Ильмень должен Ново-городу будет кланяться.

– И то уже слухи идут об этом. Беда с нашими варягами да и только!

Немало споров возбуждено было по поводу этого названия «варяг». Одни толкователи видели в нем какое-то отдельное племя, другие под этим названием подразумевали вообще наемного воина без различия национальности, третьи же настаивают, что «варяг» – слово русское, корень которого сохранился до настоящего времени в слове «предварять». Вообще же, по мнению последних, название «варяг» означало человека смелого, предприимчивого.

Наконец, есть указания на производность слова «варяг» от корня «вар» – «варить». Есть данные, по которым можно заключить, что у славян ильменских были свои собственные варяги. Так назывались отщепенцы и изгнанники разных славянских родов, поселившиеся на берегах впадающей в Ильмень речки Варяжки и занимавшиеся там солеварением. Многие из них уходили за Нево к скандинавам и поступали там в дружины викингов, сохраняя, однако, свое славянское наименование. С течением времени у скандинавов так стали называться вообще пришельцы, и так образовались варяжские дружины на скандинавском Севере. Очень может быть, что к общему названию для отличия одних пришельцев от других, то есть для различия их по национальностям, прибавлялось еще какое-нибудь особое прозвище, и так образовались в Скандинавии варяго-россы, иначе говоря, выходцы с Руси – с Ильмени, которые потом были призваны для устройства порядка на Ильмени, так легко укоренившиеся там благодаря своему славянскому происхождению.

Мы отвлеклись несколько от нашего повествования, но, на наш взгляд, подобное толкование спорного слова объясняет многое, и его мы примем в дальнейшем.

Теперь возвратимся к той беседе, которую вел со стариками Володислав.

– Слышал я, отец Витимир, слышал я все это, – отвечал говорившему старцу старейшина. – Что-то затевает Гостомysl.

– Не без этого. Недаром они всех созывают на вече: и из родов приильменских, и весь, и мерю, и кривичей. Что-то надумал он?

– Мудр Гостомysl и любит он родину свою, все свои помыслы направляет на счастье ее.

– Да вот, мудр он и разумен. А только не славянщину он любит.

– Что же?

– Новгород свой. Прирожденный новгородец, он об одном только Ново-городе и думает.

Новгород всегда был бельмом на глазу у всех приильменских славян. Разговор от Гостомысла и намерений мудрого посадника перешел к этой столице северной славянщины.

– Ох, посмотрите, не сносить нам от него, от Ново-города, своей головы, – толковали оживленно старики. – Нельзя ему такой силы давать.

– Чего там! Много нас ведь на Ильмене. Да и не один Новгород срублен мужиками славянскими. Забыли, что ли, кроме Ново-города, Киев, Смоленск, Чернигов есть, а кто из них сильнее?

Долго еще продолжался спор между стариками на эту тему.

Первая искра

*Русь сильна единой державною властью.
Историческая фраза*

С особенным почтением все в кругу, не исключая и Володислава, слушали древнего, высохшего от пережитых лет старика.

Это был Радбор, самый старый человек в роде Володислава. Долго жили тогда люди: никто из родичей не знал, сколько ему лет. Все, даже старики, помнили его седым и сторбленным.

Несмотря на ветхость и древность, память Радбор сохранил прекрасно. Он живо помнил старину и любил рассказывать про нее. Как только выдавался теплый денек, выползал Радбор на солнышко подставлять свое высохшее тело под ласковые лучи его, грелся и нежился, а вокруг него в это время собирались родичи, знавшие, что у Радбора всегда есть в запасе интересные рассказы про старину седую.

Так и теперь, когда повелась общая беседа, взоры всех обратились на Радбора. Все ждали, что он скажет, и всем интересно было знать, каково будет его мнение об ожидающихся событиях.

Когда в беседу вмешался Радбор, спор шел о могуществе славян.

– Сколько нас по лицу земли рассеялось! – горячился разговаривавший до того с Володиславом старик Витимир. – Разве по одному только Ильменю сидят роды наши? Куда ни пойдешь от моря Варяжского и до Сурожского, и до Хвалынского морей, везде однородцы наши есть, всюду гомон славянский слышишь, везде одним богам кланяются.

– Так, так! Верно говорят! Много нас, сильны мы, – слышались одобрительные восклицания. – Что и говорить! Вот наши города хотя бы взять! Чем не велик наш Новгород? Во всех странах, за всеми морями известен.

– Именно, везде известен! Мало, что ли, «гостей» с разных стран сюда собирается!

– А Киев-то!

– И Киев тоже! Родной он Новгороду.

– Да один ли Киев да Новгород в славянщине? А Изборск у кривичей, а Смоленск? Сильнее-то народа славянского нет нигде!

– Сильны мы, очень сильны! Что и говорить! – раздался слабый, дрожащий голос. – А всякий нас и обидит, и под пяту, коли захочет, положить может.

Это говорил Радбор.

Все в кругу с любопытством обратились в его сторону.

– Что же, отец? – слышались спешные вопросы. – Скажи нам, почему это так?

– Да, отец, объясни нам, научи нас! Много ты на своем веку повидал, мудрость твоя известна всему Ильменю, так поведай нам, почему ты говоришь, что при всей силе нашей слабы мы и всякий, кто ни захочет, покорить нас может.

– Нас вот на Ильмени никто не покорял.

– Так на то вы и ильменские! Сюда, на Ильмень, и птица не всякая залетает, и зверь не всякий заходит, кто же вас сюда в полон брать придет? Разбежитесь по дубравам – и нет вас. А вот кто посильнее, придут и заберут всех, и данью обложат всех вас – все роды.

– Так мы прогоним их!

– Что ж, что прогоните! Сегодня прогнали, а завтра они опять придут и опять завладеют вами. А потому, что слабы вы, даже и на Ильмени, как все остальные.

Радбор, видимо, устал и остановился, чтобы перевести дыхание.

– Вот живем мы, а как, в самом деле, живем-то? – снова заговорил он. – Правда, много нас на земле живет, и все мы по одному говорим и одним богам кланяемся, а только беда наша в том, что нет согласия между нами никакого. Не живут в мире постоянном не только племена, но и роды даже. Всегда между нами бой смертельный идет. Древляне с окольных полян, что по Днепру живут, обижают, вятичи до радимичей идут, дреговичи кривичей воюют, и всегда где-нибудь бой идет, кровь льется. И какая кровь-то? Братская! Ведь и древляне, и бужане, и полочане, и дреговичи, и лутичи, и мы, ильменские, – все родные братья, все от одного корня приходим, а вот от раздоров этих и беды на нас разные идут.

Старик снова остановился.

Его слушали с затаенным дыханием, так как правдивость его слов была очевидна.

– Какие же беды, отец? – послышался робкий вопрос. – Вот хотя бы с дулебами...

– Что с дулебами? Расскажи!

– Давно уже это было, а память все еще свежа.

– Расскажи, расскажи, отец, что случилось в старинные времена с дулебами, мы же послушаем, да поучимся. Опыт разуму учит!

– Слушайте же, если знать хотите. Пусть рассказ мой в прок идет. Жили дулебы на истоках своего Немана, жили тихо, смирно, по зверя в леса ходили, рыбу ловили, никого они не трогали, только их самих иногда древляне дикие обижали. Братья-то Кий, Щек и Хорив только что с Дуная пришли и на днепровских горах у полян сели. Никто и подумать не мог тогда, что будет здесь город великий и нашему Ново-городу равный. Это он уже потом, спустя много-много времени, так вырос.

– А Расскажи отец, как Киев-город построился, – раздался чей-то вопрос.

– Киев-то? Да много слышал я о Киеве разного. Чему и верить, не знаю. Каждый о Киеве по-своему толкует.

– А вот ты сейчас нам рассказал, что братья с Дуная пришли.

– Говорили мне так, когда я был в землях полянских. Пришли три брата из далеких стран, что за Дунаем-рекой лежат, пришли они с дружиною сильной и осели на высотах приднепровских, благо поляне их добром пустили и боем на них не пошли. А осели они здесь с тем, чтобы с людей торговых, которые за Русское море в Византию ходили, дань собирать. Место-то там удобное – обе стороны с гор далеко вдаль видно, кто чуть на Днепре появился, сейчас видно, а снизу если кто пойдет, так пороги там, иначе, как волоком, и идти нельзя. Так и начали жить на высотах днепровских три брата с сестрой своей Лыбедью, а с их старшего брата по имени и городок Киевом прозван был.

– А городок-то как основался?

– Известно как! Братья тоже ведь не одни пришли – была с ними и дружина. Как осели они, сейчас к ним и от полян кое-кто присоединился. Вот и городок.

– А по-другому как рассказывают об его основании?

– По другому-то? А говорят, будто Кий, брат из трех старший, просто перевозчиком был. Перевозил через реку, кому это нужно было, с берега на другой – около этого и кормился, а народу тут переходило много, так много, что братьям и не справиться было. Люди задерживались, подолгу оставались тут, ну и чтоб время не терять, кто товары при себе имел, за торг принялся, а тут мужи свейские, кто из варяг в греки шли, тоже приставать начали, менять там, что у кого было, и пришлось осесть у ворот днепровских, осели и зажились, сперва селенье устроилось, а потом и город огородили.

– Ты бы, отец, про дулебов-то нам досказал, – вернул один из слушателей старика на прежнюю тему.

– Да, про дулебов! Вот ведь они, бедные, какую беду вынесли.

– Какую, отец, какую? – раздались голоса.

– Пришли к ним мужи обрские, пришли с оружием и стали воевать дулебов; те народ мирный, не ратный, не могли против них силы выставить, и победили их обры. А были они телом великие и умом гордые.

– Что же, данью обложили их обры?

– Данью одной, это ничего еще было бы. Не в первый раз племенам славянским дань платить, привыкли они к этому. А обры всячески надругались над покоренными. Вот тут и пострадали роды дулебские!

– Мучили их обры?

– И это бывало. А больше всего надругались. Вместо коней и волов они были у них!

Общий крик негодования прервал Радбора. Лица слушателей побледнели, глаза засверкали. Сказалось родственное племенное чувство. Ведь дулебы, как бы далеко они ни жили от Ильменя, но все-таки они, как выразился Радбор, были братьями им. Всякая обида, нанесенная им, гулко отдавалась во всех сердцах славянских! Текшая во всех славянских жилах одна кровь брала свое. Ссорясь и воюя между собой постоянно, славяне никогда этого не забывали, и при всякой дурной вести из славянских племен они готовы были кинуться за них на врага, но, увы, не было между ними объединяющего начала, единой власти, которой так сильна стала матушка-Россия в более поздние времена.

– Как куда нужно поехать обрину, – продолжал свой рассказ старый Радбор, – сейчас приказывает он запрячь в телегу свою не волов и не коней, а жен славянских, садится сам, так и едет!

– И возили? – слышался вопрос.

– Повезешь! Трех-четырех впрягали проклятые обрины.

– А мужи дулебские что же?

– Слабы они были. Где же им одним на обров пойти, а древляне, им соседние, по своим лесам рассеялись. Поди, лови их там.

– Как же избавились от обрского ига они?

– Сами боги на помощь им пришли. Пошла ходить по обрам болезнь страшная, кто ни заболит – все умирали, и дулебов много здесь погибло, но они все-таки остались, а обры так и перемерли, так что на земле дулебской ни одного обрина не осталось!

– И теперь на землях днепровских говорят, – заметил внимательно слушавший рассказа Володислав, – «погиб, как обры!».

– Это про тех, кто рода после себя не оставил, – добавил к его замечанию Радбор.

Некоторое время весь круг молчал.

– Вот к чему ведут несогласие и раздоры, – заговорил опять старик, – восстанет в землях славянских род на род, и не будет правды, а тут враг близко, с родами славянскими делает, что только хочет! А они все спорят между собой, кровь льют!

– Как же быть-то?

– Сплотиться всем воедино. Выбрать князя, чтобы всеми делами верховодил, на врага водил и от врагов со своими дружинами оборонял. Да чтобы ни вятичей, ни радимичей, ни полян, ни древлян, а были бы они все славяне. Вот тогда мы и сильны будем. Не найдется врага, который бы одолел нас! Сами всех и все сокрушим, как вода из прорвавшейся запруды все затопит, и не погибнет славянство во веки веков!

– Прав старик, прав! – раздались голоса.

Первая мысль об единой власти была заронена.

Славянские ручьи и русское море

Славянские ручьи сольются в русском море...

А. С. Пушкин

*И стены древние Софий
В возобновленной Византии
Пусть осенит Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!*

Ф. Тютчев

Если посмотреть на карту современной Европы, то непременно бросится в глаза огромная площадь, занимаемая нашей матушкой-Россией. В то время, когда начинается наш рассказ, славянские племена жили на большем, пожалуй, еще пространстве, чем занимаемое Россией ныне.

Они говорили на одном, всем им понятном языке, проникнуты были одним духом, образ правления у всех был одинаковый – выборный, и религия, за немногими исключениями, одна и та же.

Широко во все стороны раскинулись земли, занятые русскими славянами, составляющими ядро славянщины, – то русское море, в котором рано или поздно должны слиться остальные славянские ручьи. Тысячу с небольшим лет назад, когда только начало образовываться русское государство, большая часть страны была покрыта дремучими лесами и болотами. Между ними, как будто на островах, по возможности ближе к рекам и озерам, жили отдельные славянские общины. Каждая из них управлялась своим старейшиной, но все эти общины составляли особые племена. В свою очередь эти племена придерживались двух главных союзов: северного и южного. Во главе первого стоял Новгород, во главе второго – Киев.

Такое первенствующее положение Ново-города и Киева в союзах славянских племен имело последствием то, что в них ранее, чем в других городах, развились торговля, гражданское устройство, просвещение. Здесь появились первые поэты-летописцы, в них сохранялись народные предания, память о всех делах союза, в них, наконец, творились суд и расправа и сосредотачивалась общеславянская деятельность.

Может быть, по этим соображениям северные саги называют Россию «Гардарики», то есть «страной городов», а византийские историки и восточные писатели называют Киев, близкий и более знакомый им, столицей земель славянских.

Первенствующим поселением в северном союзе были славяне новгородские. Они занимали площадь, вдававшуюся клином на север по Волхову, к озеру Нево (Ладожскому), на юг область новгородских славян простиралась не далее реки Межи, на восток примыкала к рекам Тихвинке, Чадогаще, Мологе, за которыми жили финские племена, и, наконец, на западе граничила с Ижорой, или Ингерманландией, и Эстляндией – маамиссами (чудью). Другим могучим славянским племенем были кривичи, занимавшие нынешнюю Витебскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую губернии и часть Могилевской. Они, кроме того, занимали верховья Днепра, Западной Двины и Волги. Затем шли полочане – ветвь кривичей, жившие по берегам реки Полоты; дреговичи – между Припятью и Двиной, в нынешней Минской и Витебской губерниях, дулебы – в нынешней Гродненской губернии.

В южном славянском союзе главенствующее положение занимали тихие и кроткие поляне, населявшие нынешнюю Киевскую губернию и распространившиеся по Днепру.

Далее, в лесах нынешней Волынской губернии жили древляне; по Бугу, впадающему в Вислу, – бужане. За бужанами к югу – воляняне; северяне – на берегах Десны и Семи, в губернии Черниговской; суличи – на Суле, литичи и тиверцы по Днестру, до Черного моря и Дуная; в губернии Подольской, части Галиции, Молдавии, Бесарабии – хорваты или карпаты, одноплеменные с белохрватами, принадлежавшими к союзу польских славян и жившими в части Галиции, примыкавшей к губерниям Волынской и Подольской; радимичи – в Могилевской и Смоленской губерниях, по реке Сож; вятичи – по Оке, в губерниях Калужской, Тульской, Орловской.

Так разлилось русское море по лицу земли славянской. Им одним, русским славянам, удалось образоваться в крепкое, мощное государство с первых лет своего основания. Много бед потерпело оно в течение тысячелетней жизни, но не сломилось под ударами их, а напротив, окрепло верностью и преданностью своим обычаям, заветам старины, установленным по собственной своей воле и почину единодержавной власти.

Кроме чисто славянских племен, составлявших ядро славянщины, непосредственную связь с ними имели, а затем целиком вошли в состав образовавшегося Русского государства племена: чудь, обитавшая на пространстве от Лифляндской губернии через Чудское озеро, верховья Плюссы и Луги до Невы и Ладожского озера в северной половине Лифляндской, Эстляндской и северо-западной части нынешней Петербургской губернии; весь, жившая от верховья Онеги через Бело-озеро, Шексну, Мологу, до Тверцы – в южной части Олонецкой, северо-восточной части Новгородской, половине Тверской и прилегающей к ней части Ярославской губерний; и меря, обитавшая в остальной, наибольшей части Владимирской и Московской губерний, занимая пространство по обеим сторонам Волги между Мологой и Унжой и простираясь на юг через Клязьму до Москвы-реки и на север до водораздела между верховьями реки Костромы и Унжи и бассейном Северной Двины (Сухоны и Юга).

На юго-востоке ближайшими соседями русских славян были и находились в безусловной тесной связи с их судьбой козары, кочевья которых простирались от Крыма и низовий Днепра чрез нынешнюю Екатеринославскую, юго-восточные части Харьковской и Воронежской губерний, и землю донских казаков до Нижней Волги, Саратовской и Астраханской губернии, а на юг до Кубани и Терека.

На западе соседствовали с русскими славянами их соплеменники, славяне вислянские – поляки, и на северо-западе племя литовско-латышское, по всей вероятности, тоже однородное со славянами.

Два главных племени российских славян, новгородское и киевское, стояли даже во времена глубокой древности на гораздо более высоком уровне развития, чем остальные славянские племена. Северные славяне, живя по соседству с враждебной Литвой и финскими племенами, волей-неволей должны были войти с ними в близкие и дружеские отношения, установившиеся, по всей вероятности, после долгих кровопролитных войн, в которых то одно, то другое племя попеременно выходило победителем.

В северном союзе чудь, племя сильное и многочисленное, имело большое влияние в последующие времена; оно было постоянным союзником ильменских или новгородских славян во всех их битвах за независимость и принимало участие в делах государственных. Это впоследствии привело к тому, что чудь слилась со славянами и вошла в общий состав их племен.

Между собой два главных союза славянских жили далеко не мирно. С одной стороны, не было крепкой власти, которая бы прочно соединила их, с другой – интересы их, в особенности интересы торговые, постоянно сталкивались. Кажется, именно это соперничество и порождало всегда неприязненные отношения между киевлянами и новгородцами. Все славяне торговали одним товаром, следовательно, встречаться им приходилось как конкурентам, а отсюда возникала и рознь.

Казалось, сама судьба готовила ильменских (северных) славян к той роли, которую потом пришлось им сыграть в общем ходе исторических событий.

Славяне русские, и в особенности северные, всегда любили жить в больших селениях и деревнях. Это способствовало развитию у них начал демократии, усовершенствованию ремесел и поддержанию духа общительности и соперничества. Малороссийские хутора и тогда, как и теперь, были неизвестны на севере. Вообще, славяне были охочи до многочисленных собраний и терпеть не могли уединения. Несторовы «игрища» на улицах и за селениями существуют и поныне. Женщины пользовались полною свободою, принимали всегда участие в забавах и играх и даже первенствовали в них. До позднейших времен – татарщины – не в обычае было у наших предков запираť своих жен и дочерей в терема, напротив, они пользовались полною свободою.

Пища у наших предков была та же самая, что и теперь у простого народа – мещан, мелкого купечества, но в этом отношении славяне ильменские, северные, значительно разнились от своих южных сородичей. Кушанья одних были совсем не употребительны и даже не известны другим. На севере любимыми блюдами были щи, каша, пироги, холодное мясо, кисель, квас. На юге – борщ, вареники, пампушки, жареное мясо. На севере не умели и не умеют печь южного хлеба, на юге не знали и не знают северных саек, калачей.

В одном только отношении сходились как будто наши предки: пиво и хмельной мед варились везде, и на Ильмене, и на Днепре и, как кажется, везде по одному и тому же рецепту – как можно крепче, даже во времена глубочайшей древности.

Одежда северных славян всегда отличалась своим покроем от одежды южных.

Длинная одежда в старину употреблялась только почетными гражданами, одежда простых славян была короткой, до колен: полушубки, полукафтаны и несуровое исподнее платье. Нарядные шапки всегда были высокие. Покрой так называемой «русской рубахи» не употреблялся южными славянами. Русские древние сарафаны, кокошники, кички, повязки неизвестны и теперь на юге. Там женщины обертывают голову холстом в виде тюрбана, а летом ходят в одном белье, надевая только поверх него паневу. Неизвестно, когда южные славяне стали брить бороду и голову, оставляя только чуб, но северные никогда не трогали волос ни на голове, ни на бороде, считая последнюю украшением мужа.

Наконец, даже сами жилища славян северных и южных значительно разнились между собой. В общем смысле жилище одной семьи называлось двором. Дом и все хозяйственные строения и в городах и в селениях на севере носили название избы, на юге – хаты. Курная изба – это необходимая принадлежность севера, но нет никакого сомнения, что более зажиточные люди жили в городе в светлых и чистых покоех.

Занятием северных славян главным образом были звериный и рыбный промысел, пчеловодство и затем уже земледелие. Южные славяне преимущественно занимались скотоводством, земледелием, пчеловодством, а звериной и рыбной ловлей не пренебрегали только в зимнее время.

Таково было «славянское море» в то время, когда начинается наш рассказ. Да простит нам читатель это отступление, но мы надеемся, что, прочтя эти строки, он будет иметь понятие о быте предков.

Кудесник

*Скажи мне кудесник, любимец богов,
Что случится в жизни со мною.*

А. С. Пушкин

Красив лицом и статен фигурой единственный сын Володислава, молодой Вадим, – красивее его, пожалуй, и во всем Приильменье нет. Только не такого сына хотелось иметь Володиславу. Нельзя сказать, чтобы Вадим трусом был, нет, этого не было, а только он характером какой-то странный выдался. Хитры, ох, хитры были наши предки, но вместе с тем и прямодушны. Хитры в охотничьих уловках, в гоньбе за зверями, в борьбе с врагом, зато в отношениях друг с другом, между собою, прямодушнее их людей не было.

А старейшинский сын совсем каким-то вырождаком казался.

С малых лет в нем вероломство замечалось. Обмануть хотя бы первого друга, насмеяться над ним, зло ему безо всякой причины сделать, – на все это Вадим, как никто, способен был.

И вечно он в каком-то беспокойстве находился.

Чего-то постоянно боялся старейшинский сын, чего-то искал все и не находил.

Так и теперь. Веселится молодежь, смеется, поет, хороводы водит, а Вадим грустный и задумчивый сидит поодаль и, не обращая ни на что внимания, смотрит, словно бесцельно, вдаль.

Сильно побаивался Вадим ночи, которая должна была последовать за этим днем.

Многого для себя ждал он от нее.

Задумал он узнать свое будущее и в эту ночь тихонько ото всех своих домашних решился отправиться в чащу дремучего приильменского леса к выходцу из стран болгарских Малу, которого все в Приильменье считали ведуном будущего – кудесником.

Путь предстоял далекий и трудный. Нужно было обскákat на коне по едва заметным лесным тропинкам чуть не пол-Ильменя, чтобы добраться до той чащобы, где жил старый Мал.

Да еще и это не все. Старый кудесник не ко всякому выходил на зов. К нему ездили многие – и из приильменских родов, и из Новгорода, но чаще всего возвращались ни с чем. Мал не откликался на зов, а те, кто пробовал искать его, только блуждали напрасно по лесу, и были случаи, что даже пропадали там, не находя дороги.

К этому-то Малу и собрался старейшинский сын Вадим.

Едва только стемнело, он потихоньку вывел за околицу оседланного коня и, даже не прощившись с матерью Богумилой, не замеченный никем, помчался в свой далекий и опасный путь.

Скоро после коротких сумерек над землей славянской спустилась тьма. Все на Ильмене заснуло. Вадима пугала мертвая тишина. Он затрясся всем телом, когда дорога пошла наконец по лесу. Привычный конь, однако, осторожно пробирался по узкой, едва заметной тропинке, храпя и прядая ушами. Вадим бросил на шею коня поводья и отдался инстинкту чуткого животного, заботясь только о том, чтобы не удариться головой о густо переплетшиеся ветви гигантских деревьев.

Лес становился все гуще, все мрачнее.

Чем дальше в лесную чащу пробирался конь, тем сильнее сплетались ветви деревьев, и лес высокой стеной вставал перед всадником.

«Что это, никак я сбился с дороги? – подумал Вадим. – Не может быть. Слишком хорошо мне указывали путь к старому Малу. Именно здесь должна стоять его изба».

Блеснувшая на небе зарница на мгновение осветила мрачную прогалину, на которой остановился Вадим. Высокие столетние сосны задирали свои зеленые макушки. Старейшинский сын ясно различил три из них, одиноко стоящие среди прогалины.

– Здесь, здесь, вот и сосны, о которых мне говорили, – радостно прошептал он и быстро соскочил с коня.

Привязав скакуна к толстому суку ближайшего дерева, Вадим вышел на середину прогалины и, приложив ко рту руку воронкой, закричал, что только было силы:

– Мал! Старый Мал! Мал, проснись и выйди ко мне, я стою здесь, у трех сосен, и жду тебя; ты мне нужен, Мал, ты знаешь волю богов, я пришел к тебе узнать ее. Ты должен мне поведать ее! Выйди, Мал! Явись, старый Мал!

Но никто не ответил Вадиму на его призыв. Только могучее эхо разнесло громкий крик, вторя ему во всех уголках дремучего леса.

– Мал, приди! – повторил еще громче Вадим.

Он уже начинал терять терпение. Ему стало казаться, что его обманули, сообщив, что здесь, в этой лесной чащобе, живет славный кудесник Мал – выходец из стран болгарских. Все прибрежные земли Ильменя были полны славою этого кудесника. Мало кто его видел, но те, кому повезло, уходили с полной уверенностью, что Мал – любимец богов и по силе своих прорицаний не уступит, пожалуй, и самому перунскому жрецу Велемиру.

«Только Мал мне и может помочь», – решил однажды Вадим и, разузнав дорогу к хижине болгарского кудесника, при первом же удобном случае помчался туда.

Долго он призывал к себе Мала, но лес по-прежнему оставался безмолвным. Даже разбуженные громкими криками Вадима птицы, попривыкнув к ним, замолкли и перестали летать в ночной тьме.

Вадим, не слыша никакого ответа на свои призывы, пришел в отчаянье. Больше всего его смущало то, что придуманный им верный план мести и уничтожения врага не удавался – Мал не хотел выйти из своей берлоги.

Начинало уже светать. Сквозь чащу деревьев видно было, как заалело небо, послышалось щебетанье ранних птичек, подул холодный легкий ветерок, этот первый вестник наступающего дня.

Вадим, постояв в раздумье, решил было уже отправиться восвояси.

– Мал! Выйди! – еще раз крикнул он.

Но вдруг, заметив зашевелившиеся ветви деревьев, Вадим задрожал всем своим телом.

Росший по окраинам лесной прогалины кустарник несколько раздвинулся и пропустил какое-то существо, мало походившее на человека.

Оно было согнуто в три погибели и, благодаря палке, на которую опиралось, казалось каким-то трехногим диковинным зверем. Длинная грива седых волос спускалась по плечам и спине почти до самой земли. Лица под высокой, с острым верхом шапкой и волосами не было видно. Только одни глаза светились почти юношеским блеском.

Это и был Мал – кудесник болгарский.

Вадим перепугался. Появление этого страшного существа, которое он незадолго перед тем так страстно желал видеть, наполняло теперь его душу ужасом. Он весь дрожал, как в лихорадке, а страшный Мал подходил все ближе и ближе.

– Добро пожаловать, княжич! – прохрипел кудесник. – Заждался ты меня, да ничего это, другие и еще дольше ждут старого Мала. Только для тебя одного вышел я так скоро. Знаю я, как рвется на части твое сердце молодое, знаю, чего ты ждешь от меня, все знаю. Не утаишь ты от меня ни одной думушки своей сокровенной. Что же стоишь? Чего дрожишь, как лист древесный осенью? На смерть идти не боишься, а тут тебя человек обыкновенный пугает. Эх, эх! Не такие молодцы на родине моей в славном Ателе-городе. Так-то! – Мал в упор посмотрел на смущенного и перепуганного Вадима и громко захохотал.

– Кто ты, страшный старик, скажи? – вскричал юноша.

– Кто я? А зачем это тебе знать, гордый старейшинский сын? Сам ты должен был знать это, прежде чем ступить на эту прогалину и вызвать меня. Да, впрочем, скажу я тебе. Далеко-далеко отсюда, на большой реке у моря Хвалынского, стоит славный Атель, чтобы попасть в него, через много племен пройти нужно. Болгары, узы, печенеги путь смельчаку преграждать будут и, если только не родился под звездой счастливой, забелеют его кости в степях печенежских. Оттуда и я родом. Ханам козарским я верным слугою был и в их земле постиг

премудрость кудесническую. Все постиг я, и дорого мне стало это. Видишь, теперь я какой? А ведь когда-то и мой стан был так же прям, как и твой, и мое сердце билось любовью к красным девицам. Ох, давно, давно это было. Согнулся стан мой, крепости нет в руках моих, ноги не держат, без помощи ходить не могу. Умер я телом, в прах, в тлю превратился. Зато духом живу. Умерло тело, проснулся дух. Все я постиг на белом свете, все знаю; и ход светил там, на небе, мне известен, и тайна жизни и смерти, и будущего. Умею и думы читать чужие, и знаю, чье сердце чем бьется. Знаю, зачем ты пришел ко мне. Хочешь, скажу, не дожидаясь, что ждет тебя в грядущем?

Вадим в волнении слушал отрывистую речь кудесника. Оторопь охватила его. Ему казалось, что какая-то невидимая сила заставляет его слушать Мала, приковывает к месту.

– Хочешь, хочешь? – приставал тот, пристально смотря своими маленькими сверкающими глазами на юношу.

– Скажи, – тихо проговорил тот, не будучи в силах оторвать своего взгляда от страшного старика.

Мал залился тихим смехом, от которого задрожало все его старое тело.

– Так пойдем же, пойдем ко мне, – схватил он за руку юношу, – пойдем. Но прежде чем нож тебе заговорить, будущее я тебе покажу. Узнай, что ждет тебя в тумане грядущего. Узнай и помни: того, что увидишь, не избежать тебе. Рано или поздно исполнится оно над тобою.

Он потащил Вадима через кустарник.

Густые заросли отделяли эту прогалину, на которой происходил их разговор, от другой, небольшой. На ней, под низко нависшими ветвями елей и сосен, стояла жалкая лачуга Мала. Ни дверей, ни окон не было. Низкое и узкое отверстие вело внутрь. Даже Мал должен был согнуться, чтобы пройти через него, а высокому Вадиму пришлось пробираться внутрь ползком.

Удушливый запах гари и каких-то трав стоял в лачуге. Вадим чуть не задохнулся, попав в нее. Мал заметил это.

– Не прогневайся, сын старейшинский, – сказал он, – убоги мои палаты, но ты сам, незваный, пришел в них.

Он раздул едва тлевший посреди лачуги уголек.

Вспыхнул костер, и тут только Вадим мог разглядеть внутренность странного жилища. Со всех сторон глядели на него, разинув беззубые челюсти, человеческие черепа.

В одном углу бился черный, как смоль, слепой ворон.

Пол лачуги кишел ужами, ящерицами. Вадим едва смог подавить в себе чувство гадливости, но, взглянув на Мала, он вдруг удивился.

Перед ним был вовсе не дряхлый, сторбленный старик. Стан кудесника выпрямился, клюка валялась далеко от него. Он казался сразу помолодевшим на много-много лет.

– Ты хотел знать свое грядущее, я покажу тебе его, не страшись только, – громко проговорил он.

Завеса грядущего

Грядущего годы таятся во мгле...

А. С. Пушкин

У Вадима вдруг закружилась голова от внезапно распространившегося по лачуге одуряющего запаха какой-то едкой травы. Огонь в костре разом вспыхнул. Повалил из него густой дым, который сперва тянулся по потолку, а потом, не находя себе выхода, наполнил всю лачугу. Наконец дым спустился так, что окутал собой совершенно фигуру болгарского кудесника.

Теперь Вадим перестал совсем различать окружающее. Слепой ворон отчаянно захлопал крыльями, мечась из угла в угол.

Юноше показалось, что земляной пол лачужки уходит у него из-под ног и сам он проваливается в какую-то бездну. Он широко взмахнул руками, как бы ища точку опоры, и почувствовал, что схватился за чью-то горячую руку.

– Смотри, – раздался у него над самым ухом голос старого кудесника.

Точно какая-то завеса упала разом, и перед Вадимом открылась страшная картина.

Обширное поле, все сплошь устланное трупами.

Куда ни взглядывал юноша, всюду была кровь и кровь.

Видны были похожие по костюму на славян ильменские ратники. Кто обезглавлен, у кого из широких ран на груди бьет горячая кровь, некоторые только ранены; одни вздрагивают еще в предсмертной агонии, другие корчатся в страшных муках, а над полем так и реют, так и реют хищные птицы.

Вдали видно зарево разгорающегося пожара.

Что это? Местность, как будто, Вадиму очень знакомая, много-много раз виденная.

Юноша напряженно стал вглядываться в открывавшуюся перед ним картину, стараясь припомнить, где он видел ее.

Нет, такую, разоренную, опустошенную, он эту местность никогда не видел, а напротив, видел цветущею, веселою.

Вадим узнал наконец и это покрытое трупами поле, и эти останки погорелого селенья.

Это – его родные места! Вот и бесконечная гладь Ильменя чернеет сквозь просвет просеки.

Но кто же пришел на нее войной, кто выжег цветущее селение Володислава, кто усеял это поле трупами?

– Старик, старик, покажи мне виновника этого, – судорожно сжимая руку Мала, прошептал Вадим.

– погоди, сейчас увидишь, – отвечал кудесник, – смотри внимательно, он немедленно явится пред твоими очами!

Густой клуб дыма застлал и поле, покрытое трупами, и останки сгоревшего селенья.

Когда дым несколько рассеялся, Вадиму представилось новое видение.

То же поле, но только с другой стороны. Зарева пожара не видно, только тела убитых навалены грудой. В этом месте, очевидно, происходила самая жаркая сеча. Видит Вадим, что здесь не все еще умерли, есть и живые, и вот один, лежавший дотоле неподвижно, человек с широкой зияющей раной на груди, приподнялся и мутным взором обвел вокруг все поля, как бы умоляя о пощаде.

Вадим вгляделся в него и вдруг задрожал.

В этом несчастном, оставленном на поле битвы, он узнал самого себя! Неужели такая участь ждет его? Неужели он именно так погибнет, не успев отомстить врагам?

Еще пристальнее, еще напряженнее стал вглядываться юноша в эту рисовавшуюся в дыму картину, и вдруг его внимание было привлечено как бы отдаленным лязгом оружия, доносившимся до его слуха. Он видел, как беспомощный двойник его тоже повернул свою окровавленную голову в том направлении, откуда доносился звон.

По полю шли несколько закованных с ног до головы в железо людей.

Такое вооружение Вадим видел и раньше, поэтому легко узнал в этих людях грозных норманнов. Один из них, шедший впереди, высокий, рослый и богато вооруженный, судя по тому почтению, с которым относились к нему остальные, – главный начальник, повернулся, и Вадим узнал в нем своего заклятого врага, Избора.

– Вот виновник всего, всего и твоей гибели, – раздался прямо над ухом его шепот Мала.

– Так никуда же не уйдет он от меня! – громко воскликнул обезумевший юноша и, вырвавшись из рук кудесника, кинулся вперед, на своего воображаемого врага.

Дым разом охватил его. У юноши подкосились ноги, и он без чувств рухнул на пол лачуги.

Очнулся Вадим уже на свежем воздухе. Утро совсем наступило. Солнце ярко сияло на небе, кидая с небесной выси свои золотые лучи на лесную прогалину.

Легкий ветерок с приятным шелестом пробегал по деревьям, разнося повсюду утреннюю прохладу.

Юноша с усилием поднял голову – она была тяжела и нестерпимо болела, как после сильного угара, в висках жгло, в глазах ходили зеленые круги, все тело было как будто свинцом налито.

– Что со мной? Где я? – прошептал Вадим и огляделся вокруг.

Невдалеке от него стоял, опершись о клюку, кудесник Мал.

– О! – простонал старейшинский сын. – Зачем, зачем ты, кудесник, показал мне все это? К чему лишние муки, лишние страдания?

– Ты сам пожелал, сам и вини себя, – коротко ответил Мал, – я не мог ничего изменить.

– Неужели же я кончу так, как видел это в дыму?

– Такова воля богов!

– Нет, нет, не хочу. Я не за тем к тебе пришел, чтобы смущать себя разными твоими колдовствами, слышишь, не затем. Ты должен был заговорить мне нож на моего врага! Исполнил ли ты это?

– Увы, нет.

– Как, старик! – вскричал в неистовстве Вадим. – Презренный обманщик! Как ты смел послушаться меня?

– Я повинуюсь только высшей силе, человеческая же для меня ничто, – совершенно спокойно сказал Мал, – ты мне приказывать не можешь!

– Так я заставлю тебя, иначе ты не доживешь до того времени, когда тень этой сосны прямо падет на землю.

– Попробуй!

Вадим, забыв себя от бешенства, кинулся было на старика, но вдруг точно какая-то неведомая сила оттолкнула его назад. Мал стоял спокойный и недвижимый, только взгляд его живых пронизательных глаз был устремлен на старейшинского сына. В этом взгляде было что-то, что заставило Вадима опомниться и в бессилии опустить руки.

Так прошло какое-то время.

– Что же ты, гордый старейшинский сын, не заставляешь старого Мала выполнять твои приказания? – заговорил наконец кудесник. – Чего ты испугался? Начинай. Видишь, здесь никого нет, кроме нас двоих. Ты можешь быть уверен, что за смерть старого Мала отомстить будет некому.

– Прости! – чуть не с рыданиями вымолвил Вадим.

– Теперь ты чувствуешь, что не все в воле человека и не везде поможет сила. Знай же, есть и нечто другое, более могущественное, чем сила богатырей. Это таинственная сила, немногие владеют ею, и я в числе этих немногих.

– Отец, отец, молю тебя, исполни, что прошу, – упал Вадим на колена перед Малом, – заговори мне нож, я увидел свое будущее и уверен, что если я уничтожу врага, то не погибну так, как видел это там.

Мал отрицательно покачал головой:

– Я уже сказал тебе, юноша, что есть иная, таинственная сила, против которой не человеку бороться. Избранники ее всегда останутся целы и невредимы. Ничего не может повредить им. Твой враг принадлежит к их числу. Напрасно я пытался исполнить твою просьбу – нет, мои чары бессильны. Я не могу заговорить твой нож на Избора, его бережет сама судьба!

– Так нет же! – вскочил на ноги Вадим. – Я и без заговоров сумею обойтись! Напрасно я послушался лживых советов и обратился к тебе, жалкий старик, ничему из твоих волхвований не верю я, слышишь, не верю, и ты, может быть, скоро услышишь, что твой избранник судьбы будет лежать бездыханным у моих ног.

Он быстро вскочил на отдохнувшего коня и, кинув злобный взгляд на Мала, стрелой умчался с лесной прогалины.

Старый кудесник, глядя ему вслед, качал головой.

На Варяжке

Лихой конь быстро вынес Вадима из чащи и, чувствуя, что его всадник бросил повод, помчался вперед по едва заметной тропинке.

Вадим совсем не замечал, куда несет его конь. В сердце его кипели злоба, отчаяние, ужас за будущее.

То, что он видел в избушке чаровника Мала, казалось ему невероятным. Ему в первую минуту пришла мысль, что все это ужасный, тяжелый сон, но и эта мысль несколько не успокоила юношу: совсем независимо от самого себя, от своего сознания, Вадим в глубине души все-таки верил этому сну.

А лихой конь мчался во весь опор. Среди деревьев показался просвет. Еще несколько мгновений и чаща осталась позади. Тут только Вадим пришел в себя.

Юноша огляделся вокруг. Позади шумел и покачивал своими зелеными макушками дремучий лес, а впереди, совсем близко, расстилалась гладь великого озера славянского – Ильменя.

Почувствовав свободу, конь понес старейшинского сына в сторону, совсем противоположную той, с которой въехал в лес Вадим, отыскивая логовище болгарского кудесника.

Ильмень был довольно спокоен. Изредка всплескивались на его все-таки покрытой рябью поверхности зеленые гребешки, но он показался Вадиму таким необъятно великим, что юноша невольно пришел в отчаяние.

Действительно, положение его стало тяжелым. Нечего было и думать вернуться обратно в лес, потеряна была тропа, да и сторона эта была совсем незнакома старейшинскому сыну.

Он рисковал заблудиться, если бы решил отыскивать дорогу обратно через лес. Ехать вдоль озера со стороны Новгорода было неудобно – мешали деревья, подступавшие к самой воде. Оставалось одно: объезжать Ильмень с противоположной стороны, то есть воспользоваться путем долгим, но достаточно легким.

А между тем, Вадим чувствовал, что силы его были на исходе. Голова страшно кружилась, в висках стучало, он едва держался на ногах.

«Что же, погибать, что ли?» – промелькнула страшная мысль, и Вадим почувствовал, что его всего обдало холодом.

Мысли путались в голове юноши, как будто какой-то туман окутывал его. Вдруг что-то как будто ударило его в темя; Вадим почувствовал, что ему не хватает дыхания, покачнулся и тяжело рухнул с коня на расстилавшийся у его ног зеленый ковер травы.

Солнце ярко светило с безоблачного неба.

Когда Вадим несколько пришел в себя, он смутно расслышал совсем близко шум голосов. Много людей говорило разом. Слышались смех, брань, бряцанье железа, лай псов. Порой среди хаоса звуков вдруг прорывалась звонкая веселая песня.

«Где я? Что со мной?» – подумал Вадим и попробовал открыть глаза. Но веки его были необыкновенно тяжелы, а во всем теле чувствовалась гнетущая вялость.

– Лежи, лежи уж, – слышался над ним грубый мужской голос, – отлежишься, сам встанешь.

– Да не голоден ли он? – раздался другой голос.

– А вот встанет, тогда и накормим.

Вадим сделал над собой усилие и открыл глаза:

– Пить, – простонал он чуть слышно.

Несколько рук тотчас потянулось к нему с ковшами, полными холодной чистой воды.

– Где я? – прошептал Вадим, утолив жажду и приподнимаясь на локтях.

С удивлением огляделся он вокруг. Впереди, как и перед тем, когда он потерял сознание, расстилалась неоглядная ширь Ильменя. Только вокруг него теперь сустились и копошились люди. Все они были молоды, крепки, сильны. Одежды их были в лохмотьях, лица загорелые, зато каждый имел оружие, какое и в Новгороде являлось редкостью: тяжелые секиры, мечи, луки с полными стрел колчанами виднелись у всех. Очевидно, это оружие не новгородское, а выменянное у заезжих норманнов.

Вадим заметил, что находится на отлогом берегу неширокой, но быстрой речки. На песке разложены были рыболовные снасти, у шалашей дымились костры, на которых что-то варилось в огромных, самодельной работы посудинах.

«Да где же это я? Неужели на Варяжке?» – уже про себя подумал Вадим и тут же убедился, что он находится именно среди тех, кого глубоко ненавидел и презирал, – среди славянских варягов.

Он вспомнил, что упал с коня где-то там, у дубравы, и понял, что истома, волнение, усталость, перенесенный в избушке Мала ужас так повлияли на него, что он вторично за это утро потерял сознание.

Теперь страх снова овладел Вадимом. Он действительно находился на Варяжке. Юноше было известно, что здесь очень и очень недолгоблюдали его род.

– А мы думали было, что ты и не отдышишься, – громко смеясь неизвестно чему, проговорил рослый варяг, принимая из рук Вадима ковш. – Пласт-пластом лежал ты.

Говоривший указал в ту сторону, где чернел дремучий лес, в глубине которого жил болгарский кудесник.

– Ты как попал-то туда? Не из здешних ведь сам! Почитай, к нашему Малу колдовать ездил? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Нет, так просто, в лесу заблудился, – неизвестно для чего скрыл истинную причину своего появления здесь Вадим.

– А то много новгородских к Малу ездят! А ты также из Ново-города?

– Нет! Не новгородский я!

– Так из какого же рода?

Эти расспросы были Вадиму очень неприятны, но на этот раз он не счел нужным скрывать и ответил прямо:

– Из Володиславова!

И тотчас же раскаялся в своей откровенности.

Лишь только он назвал свой род, как среди окружавших его молодцов послышались далеко не дружелюбные выкрики.

– Из Володиславова? – покачал головой говоривший с Вадимом варяг. – Не любят нас в этом роду! Сильно не любят! Что только мы им такое сделали? Своих не трогаем, а так бы нас, кажется, со света и сжили ваши.

– Не знаю я. Я ничего, – пролепетал не на шутку перепугавшийся Вадим, – мне вы не мешаете.

– А уж кабы мы знали, что он из Володиславовых, так и подбирать бы не стали, – довольно громко сказали двое молодцов, в которых Вадим по этому признаку принесших его на Варяжку рыболовов.

– Мы вот здесь живем мирно, – продолжал первый варяг, – ловим рыбу, зверя бьем, а что мы ушли из родов ваших, так до этого никому дела нет. Мы все сами по себе. Здесь поживем, соберется ватага, и уйдем мы за Нево, к северным людям, вот у вас и спокойно будет.

– Добрые люди, окажите мне милость, – перебил говорившего Вадим, – не держите меня здесь, перевезите через Ильмень к родичам!

– Нет, и не проси об этом! – послышались голоса. – Вон какие тучи над Ильменем собираются, гроза будет.

Вадим в изнеможении снова опустился на землю.

Он ушел тайком и предчувствовал, какой переполох может произвести в доме отца его исчезновение.

Старейшинский сын в эту минуту забыл и о мрачном предсказании Мала, и о собственной слабости.

– Как, неужели же никого не найдется среди вас, кто бы перевез меня? – с отчаянием в голосе воскликнул он, оглядывая мрачные лица варягов, окружавших его плотной стеной.

– Если угодно, княжич, так я могу услужить тебе, – раздался вдруг звучный голос.

Говоривший был статный юноша. Все отличительные черты славянского племени ясно в нем выразились. Густые русые волосы рассыпались по богатырским плечам. Смуглое от загара лицо с голубыми, как летнее небо, глазами, смотревшими кротко, добродушно, но вместе с тем несколько хитро, обрамляла небольшая, также русая борода с мягкими, как шелк волосами.

Он был очень молод, но физическая мощь так и сказывалась во всей его крупной, богатырской фигуре. Мускулы на его руках так и вздувались при каждом напряжении, а через весь лоб проходила синяя жила, ясно видная даже под загаром.

Одет он был неряшливо: прямо на рубаху накинута шкура козы, ноги обернуты также в кожу. Очевидно, этому юноше, как большинству наших предков, некогда было заботиться о своей внешности. Главной красотой его были здоровье, мощь, легкость, а до всего остального ему не было вовсе никакого дела. Казалось даже, что и мылся-то он еще всего один раз в жизни.

– Избор! – воскликнул чуть не с ужасом Вадим.

– Да, я, княжич, неужели ты боишься мне довериться?

– Нет, нет, я готов идти с тобой! – теперь уже с радостью воскликнул Вадим.

– Пойдем. Я вполне готов идти.

– Но ведь это сын Володислава! – угрожающим тоном произнес один из варягов. – Оставь его, Избор, не стоит он того, чтобы ты ради него не щадил своей жизни. Гляди, какие тучи на небе.

– Ничего, я знаю Ильмень! – возразил ему Избор. – Я не боюсь грозы!

Он сам спешил на тот берег Ильменя в надежде повидать свою возлюбленную.

Никакое мрачное предчувствие не шевельнулось в его душе.

Он знал, что Вадим не особенно расположен к нему, но все-таки был далек от мысли, что оказывает услугу своему заклятому врагу.

В объятиях смерти

Необъятной водной пустыней раскинулся среди своих низких берегов старый Ильмень. С середины его зоркий глаз еще кое-как заметит далеко-далеко на горизонте тоненькую черточку – берег, но с одного края на другой ничего не видно. Плещут только мутные валы с зеленоватыми гребешками, и постоянно плещут – бурливее Ильменя и озера, пожалуй, нет.

Так, по крайней мере, думали в то время.

Действительно, морем казался местным славянам их старый Ильмень – он ведь и тогда был таким же старым, как и сама земля. Залег он в низкие свои берега, среди лесов дрему-

чих, залег и бурлит день и ночь, пока суровый мороз не наложит на него свои ледяные оковы. И тогда он, особенно ближе к весне, нет-нет, да и разбушует. Недаром не одни только реки да речонки в него свои воды несут, есть и подземные ключи, что славное озеро славянское питают. Напоят они его своей водой досыта, почует старик свою силу, встрепенется, взломает лед; но хитер и силен мороз, не дает до весны разгуляться ему, снова сокрушит его порыв могучий и уложит силу молодецкую под покров ледяной.

А как подойдет весна-красна – ну, тут уже никому не справиться с Ильменем-молодцом. Разбушует он, разбурлит, переломает лед рыхлый и снова, как феникс из пепла, встанет грозный, величавый, могучий.

Страшен Ильмень в бурю.

Нет почти у него высоких берегов. Нечему защитить его от порыва ветра. Весь он как на ладони. Ветру – гуляй не хочу.

И ветер гуляет.

Налетит – разом зеленоватыми гребешками вся поверхность Ильменя покроется, валы, один другого выше, так и вздымаются и брызжут пеной, со дна же песок, трава так и поднимаются, потому что неглубок Ильмень и волны легко песок на поверхность выносят.

Горе неопытному пловцу, что в бурю рискнет на озеро выйти. Не миновать ему гибели. Где же слабому человеку с разъяренной стихией справиться! Закрутят его валы грозные, опрокинут утлое суденышко, захлещут его водой – нет спасения.

Вот и теперь нависли над Ильменем тучи черные, грозные, низко совсем плывут они по поднебесью.

День они затуманили, солнце скрыли. Однако все кругом тихо, зловеще тихо. Даже Ильмень сам затаился, как будто готовится к нападению грозного, могучего врага, с которым вот-вот в бой вступить придется. Только все больше и больше зеленоватых гребешков на его поверхности взбивается.

Зеленеет старик от злости, что ли?

Но что это за едва заметная точка среди озера чернеется?

Ведь она как будто даже движется? Уж не челнок ли какой спешит к берегу до бури добраться?

Так и есть – челнок. Двое смельчаков на нем. Это Вадим и варяг Избор.

Их челнок, на котором они осмелились выйти в озеро, был самой первобытной конструкции – просто выдолбленный и обожженный потом ствол гигантского дуба. Однако это неуклюжее судно все-таки легко скользило по поверхности все еще зловеще-спокойного Ильменя. Оба пловца с тревогой посматривали на покрывавшееся тучами небо.

– Не уйти до бури, – произнес наконец один из них, сидевший на корме челнока. – Сейчас поднимется ветер.

– Почем знать, Вадим, – отозвался другой, – теперь и до берега недалеко, как-нибудь да доберемся.

– Нет, Избор, смотри.

Как раз в эту минуту налетел шквал. Ильмень как будто только этого и ждал. Сразу загудели по нему валы, догоняя друг друга. Сильный порыв ветра рассеял было тучи, но потом они снова сомкнулись – и стало над озером еще мрачнее и темнее.

– Держись! – крикнул опять Вадим.

Новый шквал, за ним другой, третий. И вдруг со всей своей страшной силой заревела буря.

Один другого выше вздымаются валы. Челнок то с быстротой молнии взлетает на самый гребень их, то опять опускается в водную бездну. Нечего и думать о сопротивлении разбушевавшейся водной стихии, у погибающих и не мелькала даже мысль о спасении, они только

старались отдалить страшную минуту, нисколько не сомневаясь, что сама по себе она близка и неизбежна.

Несмотря на весь ужас положения, злобно по-прежнему глядит на Избора старейшинский сын. Его черные глаза так и мечут молнии.

Он как будто позабыл о грозившей опасности и только и думает, что о своем враге. Вспоминается ему предсказание Мала.

– Князь Вадим, – прервало размышления молодого человека радостное восклицание Избора, – гляди, берег близко!

– Где? – быстро поднялся с сиденья на корме Вадим.

Действительно, совсем близко от них, за валунами, виднелся окутанный туманом берег. Слышен был даже шум деревьев в дубраве.

– Слава Перуну! – воскликнул снова Избор и вдруг громко, тревожно закричал: – Держи челнок!

Не успел Вадим осознать всей грозившей им опасности, как громадный вал, что легкое перышко, поднял челнок сбоку, ударил в его борт, и вслед за тем среди рева бури раздалось два отчаянных крика.

Опрокинутый челнок понесся к берегу.

Он был пуст.

Старый норманн

На берегу Ильменя, недалеко от того места, где из него вытекает Волхов, на много-много верст кругом раскинулась заповеданная жрецами роща.

Вековые могучие дубы, прямые, как стрелы, сосны, раскидистые ели разрослись в ней на свободе. Рука человека не касалась их, а своих ли постоянных обитателей – легкой векши, хитрой лисицы, неуклюжего медведя – страшиться дремучему бору?

А человек, это самое слабое и вместе с тем самое могущественное из созданий, сюда, в эту глушь, зайти не решится.

Свято хранят свои тайны служители Перуна, не допустят они сюда, в эту рощу, грозному богу посвященную, ни князя родового, ни воина славного, ни человека простого.

Нет никому доступа в заповеданную ими рощу – кто бы ни был он, лютая смерть ждет ослушника. Грозен Перун, требует крови он человеческой, и горе тому роду или племени, которое призыва жрецов не послушает и намеченную жертву не выдаст.

Вот у самого истока Волхова, на холме высоком, стоит идол грозного бога. Из дерева истукан сделан, и сделан-то как! Грубо, неуклюже, и подобия человеческого не узнать в нем, а чтят его все славяне приильменские, и свято чтят – высшим из богов его считают, и за всякое свое преступление кары тяжкой от него ждут.

Когда появился этот истукан на холме, никто не помнит.

А служители Перуна молчат, ни одним словом не обмолвятся, только для жертвоприношений время от времени созывают они народ славянский и пред истуканом приносят свои кровавые жертвы.

Но Перун велик и ужасен только для славян.

Только они одни почитают своего грозного бога, страшатся проникнуть в заповеданную рощу, подойти без разрешения его служителей к холму, на котором высится его истукан.

В самой глуши рощи, на берегу шумящего бурного Ильменя, в чаще, куда и жрецы Перуна не заходят, поселился человек.

Лесные великаны сплелись своими могучими ветвями над его шалашом, их листва совсем закрывает убежище смельчака, кругом высокая трава по пояс, не кошенная веками, также скрывает его в те моменты, когда он выходит на вольный воздух.

Стар с виду этот одинокий обитатель заповедной рощи. Высок он ростом, широк в плечах, лицо его, посеревшее от палящего зноя и холодных ветров, покрыто глубокими шрамами, длинные седые усы как бы двумя змеями свешиваются на богатырскую грудь, а серые глаза смотрят весело и задорно.

Лишь только над Ильменем разразилась буря, старик вышел из своего шалаша. Мрачно и тихо в лесу.

Там где-то грохочут, далеко-далеко, несмолкаемые раскаты грома, разрывает покрытое черными тучами небо молниями, воет без устали ветер, а здесь же все спокойно.

Птички только приумолкли да попрятались в гущину листвы, а лесные великаны при каждом новом порыве ветра только слегка покачивают своими зелеными макушками, не пропуская вниз на землю крупных капель ливня.

В эту бурю странный обитатель заповеданной рощи чувствовал себя гораздо безопаснее, чем в самый яркий летний день.

В бурю сюда не забредет никто. Там, на Перуне, жрецы заняты у своего истукана, и им не до того вовсе, чтобы забираться в эту глушь, а никто другой, кроме жрецов, сюда и шагу не сделает.

Старик, продравшись сквозь чащу сросшихся кустов, выбрался на самый берег разбушевавшегося озера.

Стоит он и смотрит в покрытую пенящимися волнами водную даль. С наслаждением вдыхает полной грудью сырой воздух, прислушивается к раскатам грома, с блаженной улыбкой смотрит на прорезывающую тучи молнию, и вспоминается старику другая, более близкая, более дорогая сердцу картина.

– Войте ветры, грохочи ты без умолку, грозный Тор, старый викинг не раз лицом к лицу, грудь с грудью встречался с вами! – воскликнул он наконец. – Знаю я вас, много, много я видел вас на своем веку, и не на такой жалкой лужице, а в грозном, могучем море. Сколько я раз с моими викингками ходил в набеги – знает про то меч норманнский и далекая Британия. Короли франков дрожат перед нами. Нет никого равного по силе и храбрости сынам светлого Одина. Сама смерть для них не страшна. Ждет их светлая Валгалла, убежище храбрых.

Старик скрестил могучие руки, поник головою на грудь и, глядя на разбушевавшееся озеро, снова заговорил сам с собой:

– Думал ли старый Рулав, что ему, храброму витязю, придется на склоне своих дней скрываться в земле этих трусливых, шума битвы не слыжавших народцев, знающих не меч, а песни? Видно, недостойн я светлой Валгаллы, видно, прогневал Одина. Но нет, я спас свою жизнь не для того, чтобы умереть здесь, в этой лесной глуши! Нет, старый Рулав услышит еще шум кровавой битвы, победный крик товарищей, много еще врагов уложит его секира, надо только выбраться из этих проклятых лесов. Но как выбраться? Одному? Да и пока доберусь я до родимых фьордов, много раз меня убить могут, остается только ждать счастливого случая.

Старый норманн погрузился в глубокую думу.

Вдруг он приподнял голову, весь выпрямился и напряженно устремил свой взор на озеро. Отчаянный человеческий крик, смешавшись с ревом бури, дико прозвучал и тотчас же замолк, заглушенный воем ветра.

Рулав отскочил назад и скрылся в чаще прибрежного кустарника.

Прошло немного времени; норманн, не покидая своего поста, продолжал следить за озером. С шумом обрушился и расхлестнулся по прибрежному песку один, другой, третий вал, рассыпался и откатил назад, оставив на отмели два человеческих тела.

«Э-э, да я, кажется, знаю этих молодчиков, – подумал Рулав, – этот высокий, черный, кажется, сын родового старейшины, Вадим, а другой, который его, как милого друга, в своих могучих объятиях держит, – Избор с Варяжки. Так и есть. Как они попали сюда?»

Снова налетел вал и обдал обоих молодых людей, лежавших на отмели, своими брызгами.

«Живы они или нет? – думал Рулав. – Жаль и того, и другого, оба молодцы, особенно этот Избор. Он мне давно уже нравится, этот мальчик. Будь он в наших дружинах, давно бы уже близким лицом к хевдингу стал, а здесь что он? Все на него смотрят с пренебрежением. Варяг он, и только».

Рулав вышел из своей засады и, осторожно ступая по мокрому песку, подошел к лежавшим без движения юношам.

– Вот как схватились, – бормотал он, – Избор этого княжича держит так, что и живому не удержать. Вот молодец!

Налетевший пенистый вал заставил старого норманна несколько отступить назад.

– Что же с ними делать, – рассуждал Рулав, – опять в озеро спустить, что ли? Ведь если здесь их тела найдут, то и до моего шалаша доберутся. Мне тогда несдобровать. Ищут эти проклятые жрецы меня. Жизнь им моя понадобилась. Вот какие. Старого норманна в жертву Перуну принести хотели, да нет, не из тех я, так я в руки не дамся. Родился свободным и в Валгаллу не рабом войду!

Говоря это, Рулав не спускал глаз с юношей. Он попеременно, как бы сравнивая их, взглядывал то на одного, то на другого. На Изборе глаза его останавливались чаще, чем на Вадиме. Старика привлекали могучие формы юноши, державшего в крепких объятиях своего товарища по несчастью.

– Ну, довольно, однако, – воскликнул Рулав, – ступайте, откуда пришли, пусть вас Ильмень вынесет в другое место, где найдут вас ваши родичи, а здесь вы только мне мешаете.

Он поднял было тело Избора, но в то же мгновение опустил его на песок.

Из крепко сжатых губ юноши вырвался слабый стон, ресницы зашевелились, губы задержались нервно.

– Жив, – проговорил норманн, – он жив. Нет, не решусь я в таком положении поднять руку на слабого, беззащитного. Норманны с беззащитными не воюют. Но как же быть? Ведь они могут выдать меня? Ну, да будь что будет. Из-за Вадима я стараться не стал бы. Знаю я их, этих старейшинских сыновей. Если бы он один был, не задумался бы я его назад в озеро спустить, Избора жалко. Ради него только и оттащу их, а там пусть что угодно с ними случится.

Рулав, напрягая все силы, отволоч по отмели тела обоих юношей и положил их на такое место, куда не достигал прибой.

Потом он, еще раз взглянув на Избора, поспешно скрылся в гуще кустарника.

Милость неведомого бога

Просите, и дастся вам.

Св. Евангелие

Разразившаяся внезапно буря так же внезапно и стихла.

Ветер перестал завывать, рваные тучи быстро уплыли вдаль, выглянуло солнышко и залило ярким, веселым светом и успокоившееся озеро, и прибрежный кустарник заповеданной рощи.

Роща в мгновение оживилась и наполнилась массой звуков. Затрещали в воздухе стрекозы, защелбтали выпорхнувшие из густой листвы птички, дятел принялся за свою бесконечную работу, словом, все как будто воскресло, ожило; только два тела, оттащенные Рулавом в кучу кустарников, по-прежнему были неподвижны.

Уж не ошибся ли старый норманн, заметив признаки жизни в Изборе? Может быть, огляделись его старые очи? Не ослышался ли он, приняв слабое завывание ветра за стон, вырвавшийся из груди юноши?

Нет, не ошибся он. Ни очи, ни слух не изменили еще старику.

Всем телом вздрогнул вдруг Избор и открыл глаза. Первые мгновенья юноша не мог даже сообразить, где он находится, жив ли он или на другой, замогильный, мир смотрят его очи. Как странно кружится у него голова, какая тяжесть чувствуется во всем теле.

Нет, он жив, кругом все знакомые места – вот плещет Ильмень в своих низких берегах, вот и чайки носятся над его успокоившейся поверхностью.

Жив, слава Перуну!

Взор Избора остановился на безжизненном теле его товарища. Новая забота! Старейшинский сын доверился ему, не побоялся вместе с ним пуститься в челноке по бурному озеру, и вдруг теперь он мертв. Что скажет его род? Что скажет старик-отец Вадима? Никто из них не поверит, что Избор сделал все, что мог, только бы спасти Вадима от неминуемой смерти. Погибая сам в волнах разбушевавшегося Ильменя, он, захлебываясь мутной, грязной водой, нырнул вслед за опускавшимся на дно Вадимом, поймал его, лишившегося уже чувств, крепко-крепко схватил и не выпустил из своих могучих объятий даже тогда, когда и сам потерял сознание.

Никто не поверит этому. Вот он – труп Вадима.

Но, может быть, он еще жив? Может быть, и он только потерял сознание и еще можно его вернуть к жизни?

Эта мысль озарила Избора, придала ему силы и заставила забыть свою собственную слабость. Он быстро вскочил на ноги, наклонился над Вадимом и, поспешно разорвав одежду на груди, приник ухом к сердцу. Прошло несколько томительных минут. Как ни чутко был Избор, как ни привык он различать каждый шорох, биения сердца все-таки не было слышно.

Он уже стал терять надежду.

Что про него подумают, что скажут про него, когда он вернется один и передаст в род Володиславов страшную весть о гибели единственного сына родового старейшины? Как будет убиваться его старуха-мать!

Да и никто не поверит, что он, спасшись сам, не мог спасти товарища, которого сам же вызвался перевезти через озеро.

Не поверят, скажут, что бросил Избор Вадима на погибель.

Он ли не старался? Ведь он вплоть до последней минуты не выпускал его. Только уже на суше разжались его руки, но поверит ли этому кто?

Неужели на всю свою жизнь оставаться опозоренным? И как он решился, зная седой, грозный Ильмень, пуститься по нему перед бурей?

Избор с тоской взглянул на распростертое тело старейшинского сына. Он уже не сомневался, что Вадим мертв и, придя к этому убеждению, в первый раз огляделся вокруг.

Где это он? Да никак он в заповеданной роще, в роще, посвященной громовержцу Перуну!

Так и есть. Как же они сюда попали? Ведь каждому, кто в эту священную рощу ступит, смерть грозит. Горе дерзкому! Служители Перуна такого поругания их святых не допустят. Ничья нога по священному лесу ступать не должна, иначе разгневается грозный бог и нашлет страшные бедствия на все племена славянские.

Потому так строго и охраняют служители Перуна священную рощу.

А что такое Перун-то, в самом деле?

Знает Избор, что у норманнов не Перун вовсе, а Один. Он куда могущественнее славянского бога. А то вот еще что рассказывали: есть народы, которые в невидимого Бога веруют. Сходил на землю Единый Сын этого Бога. Он совсем не то, что Перун или Один, заповедал любить всех. Он наказывал и за каждое зло добром платить. А как это сделать? Нельзя этого совсем. Меня обидели, и я за это отомстить должен; на мести весь свет держится; дай только обидчикам волю, житья от них не будет, кто сильнее, тот и прав. А Тот Единый Сын невидимого Бога убить себя сам дал злым людям; и когда Его эти злые убивали, свою смерть им простил.

Добрый Он, кроткий, говорят, был, никого никогда не обидел. Одним словом своим мертвых воскрешал, а славянский Перун этого сделать не может.

Разве попросить Его, чтобы вот он теперь в беде помог? Про воскресших по Его слову мертвых верные люди сказывали. Быть может, Он Избору и окажет милость свою.

Долго задумываться Избор не любил.

– Единый Сын невидимого Бога! – воскликнул он, опустясь около Вадима на колени. – Я слышал о Тебе, Ты был добр и милостив, окажи теперь милость свою бедному варягу. Говорят, что Ты велел прощать обиды врагам своим; обещаю Тебе простить зло врагу моему заклятому, сделай только, чтобы Вадим, сын старейшины, воскрес!

В благоговейном ожидании поник молодой варяг головою. Он ждал чуда и в то же время сомневался в нем.

Вдруг он выпрямился, глаза его широко раскрылись от изумления, он глядел на Вадима и не верил себе.

Потом он жадно приник к левой стороне его груди.

Казалось ему, что Единый Сын невидимого Избору Бога совершил чудо. Молодой варяг ясно слышал, как билось сердце старейшинского сына.

Вероломство

Бойся друзей, а враги не страшны.

Поговорка

Вадим находился в глубоком обмороке.

Он долго еще приходил в себя, но теперь Избор был счастлив. Возвращение к жизни старейшинского сына снимало с него всякое подозрение. Он мог смело явиться в селение, мог прямо глядеть всем в глаза, не боясь никакого укора.

Юноша приписывал случившееся исключительно Тому Богу добра и прощения, к которому прибегнул в своем несчастье.

«Верь мне, Сын невидимого Бога, я сдержу свой обет, – думал он, с восторгом глядя в небо. – Я знаю теперь, что Ты сильнее, милостивее нашего Перуна, и если бы я был тогда, когда Тебя убивали злые люди, я бы сумел заступиться за Тебя».

Потом он занялся Вадимом и что было силы стал растирать его заочевшие члены. Труды его увенчались успехом. Вадим скоро открыл глаза. Однако он был настолько слаб, что идти еще не мог.

– А ведь придется переночевать здесь, куда же тебе идти? – заметил Избор, передавая ему все подробности их почти чудесного спасения из бездны бушующего Ильменя.

Вадим слушал его рассеянно; казалось, преданность Избора его нисколько не тронула. Он даже позабыл поблагодарить его за свое спасение. Только последние слова несколько расшевелили его.

– Как, здесь оставаться? – воскликнул он.

– А то что же?

– Но ведь ты знаешь, какое это место?

– Знаю, да только жрецы Перуна пока здесь нас не найдут, а ты тем временем оправишься, и мы благополучно выберемся отсюда.

– Нет, нет, этого нельзя, никак нельзя.

– Да почему же? Ведь я же тебе говорю: мы спрячемся так, что никто нас не увидит здесь.

– Да ты знаешь ли, почему это место так строго охраняется? Знаешь ли, почему этот лес считается заповеданным?

– Нет, не знаю. А почему?

– Этот лес – жилище страшного волхва.

– Я что-то слышал про него, – задумчиво произнес Избор, – но что именно – не помню теперь, пожалуй.

– Много-много лет тому назад, еще мой покойный дед совсем мальчиком был. Он мне о волхве и рассказывал. Поселился в этом лесу волхв, разные чудеса он делал: и зверем лесным, и птицей оборачивался; колдовал он сперва, а потом всех, кого в лесу ни находил, пожирал. В бурю на самой легкой ладье на Ильмень он спускался, и все, кого он в бурю на Ильмене заставлял, его добычей делались. Много страху он на окрестные роды нагнал – все его боялись и в реку из Ильменя идти не смели. Вот и поставили наши жрецы фигуру Перуна на холме; с тех пор волхв удалился от истока реки и поселился где-то здесь, в лесу.

– Что же, он и теперь жив? – перебил Вадима Избор.

– Говорят, и теперь. Многие, особенно в бурю, видали, что иногда вот около этого места над лесом заметен дым. Сидит, верно, проклятый, и жертв своих ждет.

– Так его ты и боишься?

– Я ничего не боюсь. Страх мне неизвестен, – хвастливо сказал Вадим. – Только все-таки я здесь не останусь.

– Твое дело! Но как же мы выберемся отсюда?

– Придумай, как. Ты эти места лучше меня знаешь. Только бы поскорее уйти отсюда.

– Но ты совсем идти не можешь!

– Нет, я пойду, я ничего, – попробовал было приподняться Вадим, но тотчас же, обессиленный, опустился на траву.

Тут сказались и слабость, и перенесенное волнение.

– Вот видишь, куда же ты пойдешь? – сказал Избор. – Останемся здесь пока до вечера, а волхва своего ты не бойся. Право, его страшиться не надо, и он, и Перун бессильны, они простые деревянные истуканы и ничего больше!

– Что ты говоришь! – с ужасом воскликнул Вадим. – Ты богохульствуешь, ты перестал верить в могущество Перуна!

– Сознаться тебе, не перестал, а перестаю. Вот с тобой я убедился, что все наши боги – ничто перед тем Богом, в которого веруют некоторые народы.

– Что же это за Бог?

– Великий Бог! – с убеждением произнес Избор и рассказал Вадиму все, что ему было известно о воле Единого невидимого Бога, поведал ему и о своем обращении к Нему, и о чуде, которое, по его мнению, совершил этот Бог, воскресив Вадима.

Старейшинский сын слушал рассказ Избора о христианах, но отец его так близко стоял к жрецам Перуна и Вадиму так часто приходилось беседовать с ними, что ко всем иным верованиям он относился с большой неприязнью.

– Э, полно! – отозвался он на рассказ своего товарища. – Зачем нам искать другого бога, когда у нас есть свой, мы должны поклоняться тому, чему поклонялись наши отцы. Лучше подумай, как нам выбраться отсюда, мне во что бы то ни стало надо быть дома.

Вадим угрюмо замолчал. В мозгу его черные мысли роились. Гневом кипел он на спасшего его варяга, вспомнив предсказание Мала. Гнев этот и черные мысли породил.

Страшное дело замыслил Вадим.

Оттого-то он прямо в глаза Избору глядеть не может и свои очи от его очей отводит.

Мрачный вид Вадима беспокоил его спутника. Он приписывал его усталости, только что перенесенному волнению, но далек был от каких бы то ни было подозрений.

Вдруг взгляд Избора упал на мокрый песок, где ясно отпечатались человеческие следы.

– Гляди-ка, князь, это что такое? Мы здесь не одни, кажется, – показал он следы Вадиму.

Тот тоже взглянул и вздрогнул всем телом.

– Мы пропали! – воскликнул он с испугом. – Никто не смеет, кроме жрецов, ступить сюда. И следы оставил не кто иной, как страшный волхв.

– Волхв? – побледнел в свою очередь и Избор. – Ты так думаешь, княже? Но откуда же взялся он? Ведь он нем сколько уже лет ничего в наших краях не слышно.

– Ничего не значит! Он живет в этом лесу, это говорил мне старый Велемир, жрец Перуна. Да и кому же здесь более быть, как не ему, этому страшному волхву. Надо бежать, бежать.

Забыв о своей слабости, Вадим вскочил на ноги.

– Веди, веди меня вон из этого проклятого леса, – закричал он Избору, тоже заметно взволнованному и испуганному, – это ты нарочно завел меня сюда, проклятый враг. Ты хочешь во что бы то ни стало погубить меня.

Избор с нескрываемым изумлением устремил взор на старейшинского сына:

– Что ты, Вадим? Зачем мне желать твоей гибели? На что мне нужна твоя жизнь? Я погибал вместе с тобой и в страшную смертную минуту не оставил тебя.

– Ты должен стать виновником моей гибели! Так нет же! Не ты меня, а я тебя сотру с лица земли. Сам виноват, не становись мне поперек дороги.

Избор не переставал удивляться. Он слушал бессвязную речь Вадима и не сразу понял ее. Он недолюбливал Вадима за гордыню, за заносчивость, но никогда его не считал неблагодарным или вероломным.

– Ты не веришь нашему Перуну, ты преступаешь его заветы, потому ты и не побоялся ступить в это страшное место! – задыхаясь от волнения, говорил Вадим. – Ты послушный раб страшного волхва, потому-то ты и не страшишься его. Ты завел меня сюда, чтобы отдать ему на растерзание. Нет, не удастся тебе это, презренный варяг. Умри прежде сам!

И прежде чем Избор успел опомниться, его вероломный спутник выхватил из-за пазухи острый нож и, как зверь, кинулся к нему.

Молодой варяг инстинктивно вытянул вперед обе руки, но не успел оборониться, и Вадим с диким, яростным воплем вонзил нож в левую сторону его груди.

Как подкошенный, рухнул Избор на траву.

Удар был рассчитан верно. Вадим, вытащив нож из раны, поднял руку, чтобы поразить еще раз своего соперника.

– Умри, умри! – говорил он. – Вот, кто теперь погубит меня?

Он уже хотел опустить руку, вооруженную ножом, как вдруг сам дико вскрикнул.

Прямо на него, озаренная яркими лучами заходящего солнца, двигалась фантастическая человеческая фигура.

Пораженному испугом вероломному убийце казалось, что две змеи выползают изо рта странной фигуры, что глаза ее блещут, как раскаленные уголья, а распростертые руки готовы принять и задушить его в своих объятьях.

– Волхв, перынский волхв! – в ужасе воскликнул Вадим и, выпустив из рук нож, кинулся бежать в лес.

Жрец Перуна

Вадим долго-долго бежал без оглядки. Ему казалось, что этот странный волхв, так неожиданно появившийся перед ним в тот самый миг, когда он обагрил свои руки кровью спасшего его человека, гонится за ним по пятам.

Ветви густо разросшихся деревьев задевали Вадима, и ему чудилось, что это чьи-то цепкие руки хватают его.

Ветер шелестел листвою и в этом шелесте убийце ясно слышались роковые голоса, и лес ему казался весь наполненным ими.

Вадим бежал все дальше и дальше, ели и сосны своими ветвями кололи его лицо, но он не чувствовал боли, не замечал, что по лицу его струится из ран теплая кровь.

Наконец юноша почувствовал, что дыхание у него спирается и бежать он не в силах. Как подкошенный рухнул он на траву, ожидая, что вот-вот страшный волхв настигнет его и разорвет на клочки.

Вдруг ему послышались невдалеке человеческие голоса.

«Все, все кончено, – мелькнула мысль в голове старейшинского сына, – гибель моя неизбежна, старый кровожадный волхв настиг меня».

А голоса раздавались все ближе и ближе. Ясно слышен был чей-то крик здесь поблизости, – различил знакомый голос Вадим. Крик этот был не криком дикого зверя, а пораженного насмерть человека.

– Вот и трава здесь помята. Сучья на елях поломаны.

– Значит, я не ошибся.

– Ищите, все ищите, обойдите всю рощу из края в край, – различил Вадим старческий голосок, который одновременно заставил и задрожать его, и обрадовал, – найдите ослушника велений нашего бога и приведите его к нам. Мы посмотрим, кто этот дерзкий, осмелившийся нарушить заветы Перуна. Ступайте, ищите. Я буду ждать вас на этом месте.

Прошло несколько томительных, показавшихся необыкновенно долгими Вадиму, мгновений. Он еще глубже забился в траву в надежде, что люди, голоса которых он так ясно слышал, пройдут мимо, не заметив его.

По голосам Вадим узнал служителей Перуна, а в распоряжавшемся поисками старике признал верховного жреца Велемира.

Юноша знал, что его ждет, и потому появление жрецов перепугало его не менее, чем преследование страшного волхва. Как ни дружен с его семьей Велемир, как ни уважает его отца, старейшину, все-таки он не приступит заветов и жестоко, может быть, даже смертельно, накажет ослушника.

Вдруг Вадим услышал совсем близко от себя шорох. Чья-то нетвердая нога ступала по сухим, с треском подламывающимся сучьям. Вот уже кто-то остановился рядом с ним, и Вадим почувствовал, как чья-то рука коснулась его плеча.

– Кто бы ты ни был, приказываю тебе встать, – услышал он над собою голос Велемира, – покажи лицо свое и дай увидеть того, кто осмелился нарушать волю Перуна и попать дерзкою ногою священную рощу.

– Велемир, прости! – не своим голосом воскликнул юноша, приподнимаясь с земли.

Пред ним стоял высокий, весь седой старец. На груди его, покрытой белыми, как снег, одеждами, лежала длинная седая борода. Лицо, изборожденное множеством морщин, было грозно. Глаза метали молнии из-под нависших седых бровей.

Стар, очень стар был Велемир, верховный жрец Перуна – главного и грозного божества приильменских славян! Сколько весен он встретил, сколько зим пережил! Старики приильменских родов совсем детьми еще были, а Велемир, такой же древний, такой же грозно-важный, служил уже Перуну-громовержцу.

Когда он был молод и был ли он когда-нибудь молод – никто не знал. Ильменским славянам казалось даже, что он и явился на свет Божий старым, седым.

Про него ходили в родах чудные рассказы. Говорили, что Перун все делает по слову его, ни в чем не ослушивается грозный бог своего любимого служителя.

Захочет Велемир, и найдет Перун на роды славянские бедствия тяжелые: голод, смерть лютую, и ничто от них, кроме просьб Велемира, народ не избавит.

Оттого и боятся и уважают верховного жреца Перуна все роды славянские.

Теперь этот грозный старец, гневный, раздраженный, стоял перед перепуганным старейшинским сыном, не смевшим поднять на него глаз. Несколько мгновений старец, казалось, не узнавал юноши.

– Вадим, сын старейшины, уважаемого всеми ильменскими родами Володислава! – воскликнул он. – Так это ты осмелился, дерзкий, вступить в это священное место?

– Выслушай, отец, умоляю тебя, – робко вымолвил Вадим, – я скажу тебе всю правду.

– Нечего мне слушать. Я сейчас созову всех верных Перуну, и мы поступим с тобой, как приказывает закон. Ты осмелился нарушить завет, и грех твой падает на твою голову.

Суровый старик поднес руки ко рту, готовясь закричать что было сил, но Вадим ухватил его за край одежды и заговорил просительно:

– Не зови, отец, дай мне сказать тебе правду, при других я не скажу. Помедли. Ты всегда успеешь осудить меня!

– Ну, говори, – согласился, наконец, Велемир, – горе тебе, если ты солжешь. Перун покарает и тебя, и род твой. Говори скорей, пока не пришли сюда служители Перуна.

– Я с варягом Избором переплывал озеро, – начал торопливый рассказ Вадим, – ты знаешь, отец, какая разразилась буря, мы выбивались из сил, борясь с волнами. Вдруг огромный вал опрокинул наш челн и затем выбросил нас на песчаную отмель этого берега.

– Если это было так, то вы и должны были оставаться на ней, призывая к себе на помощь, а не забираться сюда, где скрыты сокровенные тайны божества.

– Я так и поступил, отец.

– Однако ты здесь. Где же этот дерзкий варяг?

– Выслушай дальше. Собравшись с силами, я хотел сделать так, как говоришь ты, хотел даже устроить плот, чтобы перебраться на нем по Ильменю в другое место, но этот Избор, знаешь ли, он отказался от Перуна, он не верит более в его силу, могущество и долго мне говорил о каком-то другом, неведомом Боге.

– Отступник! Смерть его ждет за это преступление! – с гневом воскликнул Велемир. – Где он, где? Не скрывай его. Горе тебе, если ты его осмелишься укрыть.

– Он уже наказан за свое отступничество. В тот миг, когда он произносил хулы на великого Перуна, вдруг явился из чащи страшный перынский волхв, о котором ты столько раз нам рассказывал.

– Волхв, ты говоришь? – с видимым недоверием произнес жрец. – Ты сам его видел?

– Да, отец, сам. Страшный он на вид. Ростом он не меньше молодой сосны. Все тело его обросло густыми волосами, вместо глаз у него раскаленные угли, а из уст вились змеи. Он с воплем кинулся на нас.

– И что же? – спросил Велемир.

– Он схватил на моих глазах отступника Избора и разорвал его на несколько частей. Я в страхе бежал сюда, пока не упал на этом месте. Теперь тебе известно все, суди меня, как знаешь.

Вадим замолчал, с тревогой глядя на служителя Перуна; тот стоял, с видимым смущением ударяя о землю своим жезлом.

– Волхв, волхв, – повторил он, – кто же это может быть? Кто проник в это охраняемое место?

И затем, спохватившись, что сказал слишком многое, чего не должны бы слушать посторонние уши, он взглянул на Вадима и произнес:

– Если все правда, что ты говоришь, Перун помилует тебя. Если тебе удалось избежать страшного волхва, ты достоин жизни. Но горе тебе, если это не подтвердится. Где ты видел перынского волхва?

– Пусть идут по оставленным мною следам, и достигнут слуги Перуна того страшного места!

В это время стали один за другим собираться младшие жрецы, с удивлением глядевшие на хорошо им знакомого старейшинского сына. Велемир заставил Вадима повторить свой рассказ.

– Пойдемте же туда и посмотрим, прав ли этот юноша, – сказал жрец, когда Вадим закончил. – Веди нас.

Они тронулись и вскоре достигли той отмели, на которую выбросила буря двух юношей.

– Вот, вот, глядите, тут что-то есть! – раздалось в толпе младших жрецов восклицания.

Велемир жестом остановил их и подошел сам к тому месту, где на песке валялась какая-то гряда.

– Это одежда Избора! – воскликнул Вадим.

На песке были видны отпечатки ног, кое-где он был пропитан кровью, трава кругом была помята, грубая одежда Избора также была вся в крови.

– Нет более сомнения! – воскликнул жрец. – Этот юноша прав, страшный перынский волхв снова появился в наших местах!

Он приказал осмотреть весь прибрежный кустарник – там никого не было.

Ничто в лесу не напоминало о присутствии человека.

Меж двух огней

Весть, что в перынской роще снова появился страшный волхв, быстро пронеслась по всем родам, жившим на берегах Ильменя.

Память об этом чудовище была еще жива в народе. Целые легенды ходили среди ильменских славян о волхве. Засел он у истока большой многоводной реки, вытекающей из Ильменя, и много-много лет сидел там, не пропуская никакого суденышка из озера в реку.

Только это давно было. Ничего не слыхать уже сколько времени о перынском чудовище.

И вот теперь этот страшный волхв и на суше появился. Что-то будет? Уж не грозит ли родам славянским какая беда?

Первую весть о появлении волхва разнесли перынские жрецы.

– Пойдите и возвестите всем родам славянским о том, как наказывает наш Перун отступников, – приказал им Велемир. – Усомнился Избор в его силе, в его могуществе, и вот как он грозно покарал его. Так будет и со всяким, и пусть память об этом не изгладится вовеки. Пойдите и передайте повсюду рассказ Вадима, бывшего свидетелем этого чуда.

И жрецы разошлись по всему побережью Ильменя, передавая рассказ старейшинского сына, причем, конечно, каждый из них разукрашивал его так, как подсказывала ему его фантазия.

В род, где старейшинствовал Володислав, отец Вадима, Велемир решил отправиться вместе с юношей.

– Только уважение к твоему отцу избавляет тебя от наказания за дерзость, – объявил старый жрец Вадиму, – но ты должен принести очистительные жертвы.

Юноша с почтением приложился к его высохшей руке и удалился во внутренние покои, отведенные ему Велемиром для отдыха. Никакое чувство сожаления не шевельнулось в его душе. Он считал себя и раньше правым, а теперь, когда даже сам старый жрец Перуна уверился в том, что молодой варяг сделался жертвой чудовища, Вадим забыл окончательно и думать о судьбе соперника.

Переменив наскоро перепачканные и вымокшие одежды, кинулся Вадим на ложе и скоро заснул. Старый жрец Велемир между тем бодрствовал.

«Что это все значить может, – думал он, расхаживая по светелке, – какого там волхва мог видеть Вадим? Правда, жил когда-то в этих местах дерзкий, смелый разбойник, грабил всех без разбору, кто только из Ильменя в Волхов спускался, да ведь это когда было? Я уже давно

своим годам счет потерял, а этого разбойника мой дед, тоже жрец Перуна, своими руками убил. И с тех пор о нем ничего не слышно. Это ведь мы его в кудесники да волхвы возвели, чтобы нам победу Перуна над ним прославить, а на самом деле он простой человек был, ни больше, ни меньше. Так кого же это там Вадим видел и кто этого солевара убил – уж не сам ли Вадим? Ведь он на это способен. Надо узнать все подробно».

Велемир призвал нескольких жрецов и приказал самым тщательным образом обыскать еще раз весь лес.

«Хорошо еще, что Вадим такую сказку придумал, а то бы мне, да и всем нам, плохо было бы. Володислав – старейшина богатый, вся Перынь наша чуть ли не одними его жертвами держится. Как казнить его сына? Ведь он всех нас сокрушить мог. Весь его род слепо ему повинется, и Перынь разнесли бы, прикажи он только. А не казнить Вадима нельзя было бы, не придумай он такой истории. Тогда другие бы роды поднялись. Слава нашего Перуна пошатнулась бы, вместе с тем и нам, жрецам, нечего было бы делать. И Избора жаль. Все-таки он Гостомыслу племянник, и хотя не велик человек, посадник буйного Ново-города, а все-таки и с ним ссориться нельзя, и у него свои приверженцы есть. Впрочем, с Избором все уже кончено. Жалей, не жалей, а его к жизни не вернешь. Кто с ним покончил, Вадим или тот, кого он за волхва принял, все равно, теперь надо подумать, как Гостомыслу горестную весть передать».

Размышляя так, Велемир приказал уведомить новгородского посадника о несчастьи с его племянником.

Весть о гибели Избора, однако, опередила посланника. Когда он явился в Новгород, там все уже знали о случившемся.

Знал об этом и Гостомysl. Он любил Избора, но был настолько умен, что не дал посланному заметить своих чувств.

Тот передавал рассказ о гибели Избора и о чудесном спасении Вадима от ужасного волхва, украшая его всевозможными подробностями, отчасти внушенными ему самим Велемиром, отчасти и вымышленными во время дороги от Перынского холма до Ново-города. Фантазия посланца была богатая, и он так разошелся, что Избор уже оказался прямо-таки поглощенным на глазах всех служителей Перуна свирепым волхвом. Гостомysl не поверил сразу тому, что сообщили ему о гибели его племянника.

– Это все жрецы с Перыни народ мутят, – вскричал он, выслушав известие, – на какой там ляд, в самом деле, волхв появиться мог, просто они схватили Избора, и, если я не поспею ему на помощь, они убьют его!

Он приказал подавать ладью и, быстро собравшись, отправился из Ново-города вверх по Волхову в то место, где близ истока на высоком холме стоял идол Перуна.

Наступила уже ночь, когда он добрался до Перыни. Здесь он к большой досаде своей узнал, что жрец Велемир вместе с Вадимом и несколькими жрецами уехали в Володиславов род.

Гостомysl стал расспрашивать служителей и рабов Велемира о своем племяннике. Все они в один голос подтвердили ему рассказ, которому он было не поверил.

Один из младших жрецов, знавший хорошо Избора, сказал ему, что узнал окровавленную одежду его племянника. Это передавалось с такими подробностями, что в гибели Избора и сомнения быть не могло.

Более в Перыни Гостомыслу нечего было делать, и он, опечаленный, взволнованный, вышел из жилища жрецов, направляясь к пристани, где ждала его ладья.

Двое жрецов провожали новгородского старейшину. Оба они видели его грусть и глубоко сочувствовали ему.

Вдруг в нескольких шагах от пристани какая-то фигура перерезала дорогу Гостомыслу, и, прежде чем он опомнился, рядом с ним появился человек.

Гостомысл отшатнулся было, но подошедший быстро наклонился к его уху и прошептал что-то, заставившее старейшину вздрогнуть.

Между тем сопровождавшие его жрецы заметили человека около старейшины и, думая, что ему грозит опасность, быстро кинулись ему на помощь. Но когда они подбежали, человек уже исчез.

Кто это был такой, Гостомысл жрецам не сказал, не сказал также, что сообщил ему этот так внезапно появившийся вестник.

Радость и горе

В род Володиславов известие о всем происшедшем с Вадимом пришло прежде, чем юноша успел вернуться под родимый кров. Слова жреца, явившегося сюда по приказанию Велемира, произвели смятение. Из всех хижин повысыпались люди. Мужчины, которые в этот день не были в лесах на охоте, побросали чинить невода, готовить стрелы и толпой собрались около хором Володислава, куда прошел посланный Велемира. Женщины сбежались сюда еще ранее, обсуждая на разные лады возвещенный случай.

В хоромах тем временем жрец, перед которым уже поставлено было обильное угощение, передавал свой рассказ матери Вадима. Сам старый Володислав, серьезный и важный, сидел на гладко оструганной лавке, второй раз слушая с большим вниманием эту историю.

Богумила, мать Вадима, плакала от изумления.

– Один он, один из семерых остался, – говорила она сквозь слезы. – Шестерых уже нет, одного медведь заломал, двух злые люди загубили, трое без вести пропали, он только, соколик мой, надежда моя, остался.

– Надо благодарить Перуна, – важно ответил жрец, – это он совершил чудо, защитив твоего сына от свирепого волхва.

– Его только, его, батюшку, благодарить приходится. Он Вадима моего милого от смерти неминучей избавил. Да что же ты, Володислав, проси служителя Перуна откусать нашего угощения.

– Только откуда этот волхв появиться мог, – высказал свое мнение Володислав, – никто о нем не слыхивал.

– Как не слыхали? – вступился жрец. – Сколько раз тебе наш отец, Велемир, об нем говорил.

– Так ведь он говорил о том, что было.

– А то, что было, и вперед быть может, – важно заявил жрец. – Но что это за шум под окном?

Действительно, собравшаяся у хором Володислава толпа настоятельно требовала, чтобы жрец Перуна вышел и повторил снова свой рассказ.

– Родичи собрались, тебя зовут, – пояснил жрецу Володислав.

Тот с видимым неудовольствием выбрался из-за уставленного яствами стола и пошел на крыльцо.

– Говори, – раздались сотни голосов, – что случилось, как явился волхв, где наш Вадим?

Жрец откашлялся и начал рассказ. Говорил он медленно, растягивая слова, но все слушали, затаив дыхание.

– А отступника Избора в мелкие ключья изорвал волхв, вот и одежда его, в крови его смоченная, – говорил служитель Перуна. – Только всего и нашли мы на том месте, куда нас Володиславов сын, Вадим, привел.

– Да, может, им пригрезилось! – послышалось восклицание.

– Эй, замолчи, – нашел нужным вмешаться жрец, – не смей произносить хулы на Перуна. Вот если бы отец Велемир услышал! Ох, последние дни наступают, слабеет вера, падает, а вместе с ней и народ погибает.

Никто не обратил особенного внимания на эти слова.

Вся молодежь в роду Володислава была на стороне Избора.

Старики же и пожилые были взволнованы той частью известия, которая относилась к появлению перынского волхва.

Все они чувствовали в нем какую-то ложь, понимали, что рассказ о гибели Избора далек от истины, но высказать этого не решались. Велемир все-таки был сила. Но как бы то ни было, Избора жалели.

Вдруг толпа заволновалась вся сразу, как один человек. Все обернули головы по направлению к лесу и напряженно глядели туда.

На опушке леса один за другим показалось несколько всадников.

– Кто-то едет к нам, – произнес старейшина Володислав, тоже обративший внимание на эту группу.

– А я скажу тебе, кто, – вмешался примолкший было жрец, – едет к тебе, княже, отец Велемир, служители Перуна с ним и среди них твой сын, Вадим. Встретить готовься гостей дорогих.

– Сын, Вадим, ненаглядный мой! – воскликнула Богумила и кинулась с крыльца навстречу всадникам.

С глубоким почтением расступился народ перед старым жрецом Перуна, в то время как обрадованная мать со слезами радости на глазах обнимала дорогого ей сына.

– Привет вам, – важно и степенно проговорил Велемир, когда с помощью нескольких жрецов ему удалось сойти с коня, – привет и радость, старейшина славянский, дому твоему, и вы радуйтесь.

Он простер над благоговейно склонившей головы толпой свои руки.

– Милость великого Перуна посетила этот род! – воскликнул Велемир. – До сих пор никто не выходил целым из заповеданной рощи, но если Вадиму удалось покинуть ее невредимым, стало быть, он угоден богам! Нечестивец же, бывший с ним, погиб, потому что осмелился произнести хулы на Перуна. Да будет так со всяким, кто осмеливается нарушать заветы старины. Разойдитесь же мирно по домам и помните, что всякий будет наказан, как Избор!

Теперь Вадим мог быть совершенно спокоен. Сам верховный жрец Перуна признал его невиновность, и никто не осмелится после этого назвать его ослушником богов. Вадим был вполне уверен в гибели Избора, хотя в то же самое время никак не мог понять, что за чудовище такое видел он в заповедном лесу.

Но это скоро перестало занимать его. Мало-помалу он начал забывать об Изборе; никакие угрызения совести не мучили Вадима. Он чувствовал себя вполне правым. Мал посредством своих чар показал ему его врага, правда, врага только в далеком будущем, но ведь нет человека, который не стал бы в настоящем заботиться именно об этом будущем. И Вадим позаботился. Он уничтожил опасного человека и был вполне уверен, что так, а не иначе должен был поступить на его месте всякий.

Варяжка между тем готовилась опустеть.

Удальцы с берегов ее собрались в дальний путь. В Новгороде у Гостомысла были скандинавские гости – купцы, возвращавшиеся из Византии в свою страну холодных скал и фьордов, и славянские варяги уходили с ними.

Сам Гостомysl много содействовал этому. Он даже помог им собрать ладьи и дал оружие, без которого был бы немыслим дальний поход.

Это было уже не первое отправление удальцов с Ильмена за Нево, и поэтому ни в Новгороде, ни в приильменских родах никто особенно не интересовался происходящим.

В назначенный день драккары скандинавов подняли паруса и стали один за другим отваливать от берега. Ладьи варягов ждали уже их, чтобы в некотором отдалении следовать за ними.

Из какого-то страшного любопытства Вадим явился в Новгород посмотреть на проводы. Вот ладьи и драккары подняли паруса, убрали весла и быстро пошли вперед.

Когда первая ладья проходила мимо Вадима, из груди его вырвался невольно крик. Среди ильменских варягов он увидел того, кого считал уже мертвым, – Избора.

Вадиму показалось, что он видит сон. Он кинулся было к лодке, чтобы нагнать уходящих, но ладьи шли так быстро, что об этом и думать было нечего.

«Неужели Избор жив? – думал Вадим. – Ведь это его я видел на первой ладье».

Ужас объял старейшинского сына.

Спасенный

Да, это был действительно Избор. Вадим не ошибался.

Он был бледен, лицо его осунулось, под глазами виднелись темные круги, но все-таки он был жив.

В этом никто не мог сомневаться!

Как же он спасся?

Старый Рулав, оттащив тела обоих юношей от отмели, где их захлестнули волны, сам спрятался в гущу кустарника. Любопытство подстрекнуло старого норманна посмотреть потайно, что будет с юношами, когда они очнутся и увидят себя в роще Перынского холма.

К тому же Рулав был в некотором роде философ и в данном случае рассуждал так: «Вот не суждено погибнуть этим молодцам, и не погибли. Орудием же их спасения Один выбрал меня. Я оказал им немалую услугу, стало быть, со временем когда-нибудь и они мне окажут. Почем знать, на что они мне могут пригодиться. Этот Вадим способен укрыть меня от жрецов, а с Избором можно набрать дружину из его товарищей и вместе с ними уплыть к берегам родной Скандинавии. Судьбы Одина неисповедимы. Может быть, он и послал мне сегодня такой случай, чтобы я воспользовался им».

Размышляя так, старик внимательно наблюдал за всем происходящим на берегу.

Он видел, как очнулся Избор и с каким вниманием ухаживал он за Вадимом. «Славный мальчик! – думал норманн. – В рядах наших дружин он был бы могучим и храбрым берсерком».

Рулав заметил, как горевал Избор, отчаиваясь в спасении своего товарища, и довольно отчетливо расслышал его смиренную просьбу к Единому Сыну неведомого ему Бога.

«Гм! Ведь и я про этого Бога не раз слышал. Это Бог христиан, – рассуждал сам с собою старик. – Что же? Он хороший, милостивый; только вот не понимаю совсем, как это Он заветствует любить своих врагов? Я знаю, что многие христиане так именно и поступают. Помню одного. Забрел он к нам в наши родные фьорды, долго и кротко говорил он нам, и хорошо так говорил, а мы, собравшись вокруг, слушали. И так хорошо говорил нам тогда этот христианин, что многие седые берсерки прослезились, когда он начал рассказывать про мучения на кресте их Бога. После просил нас уверовать в него. Только зачем нам это, когда у нас есть и Один, и Тор, и злобный Локи, и светлый Бальдр. С ними мы родились, с ними и умереть должны! Жаль только, что наш священник – не доглядели мы – убил этого христианина, а то бы мы еще послушали его в часы отдыха».

В таких размышлениях время летело незаметно. Рулав не покидал своего наблюдательного поста и скоро увидел, как очнулся Вадим.

Последовавший затем разговор и ссора заинтересовали его еще более. «Что теперь будет?» – подумал он.

Заметив, что Вадим кинулся с ножом на своего спасителя, Рулав позабыл даже о собственной своей безопасности и кинулся на помощь жертве старейшинского сына, но было уже поздно – нож Вадима поразил молодого варяга.

– Преступный убийца, – загремел норманн и выскочил из своей засады.

Он-то и показался Вадиму страшным перыньским волхвом.

Его длинные усы в расстроенном воображении убийцы представились двумя змеями, а изорванная шкура козы, наброшенная на плечи шерстью вверх, придала ему так перепугавший старейшинского сына вид нежити.

– Беги, подлый трус! – гремел в след Вадиму Рулав. – Беги, трусливая коза, иначе старый норманн расправится с тобой по-своему.

Подгонять Вадима не приходилось.

Он и без того бежал, как перепуганная мышь.

Рулав, нагнувшись к Избору, прежде всего постарался остановить кровотечение:

– Это ничего, пустяки! Старый Рулав знает толк в ранах и всегда сумеет отличить рану, за которой следует смерть, от пустяковой царапины. Нож неглубоко вонзился. Пустяки! Все пройдет, только бы кровь унять.

Ему действительно удалось довольно скоро остановить кровотечение и даже наложить повязку на рану, для чего он должен был разорвать часть одежды Избора.

«Теперь самое главное, как его укрыть и самому укрыться, – подумал Рулав. – Этот негодник поднимет тревогу, и мы попадем в руки жрецов. Не знаю, как ему, а мне несдобровать!»

Оглядевшись вокруг, старик радостно воскликнул: он увидел прибитый волнами к берегу челнок – тот самый, на котором переплывали Ильмень Вадим и Избор.

– Вот и средство найдено! – весело восклицал он. – Есть теперь на чем выбраться из этой проклятой чащобы.

Быстро перевернув опрокинувшийся челнок, Рулав вычерпал из него воду, а потом со всей осторожностью, на какую только был способен, перенес и уложил на дно все еще не пришедшего в себя Избора.

Затем он поспешно отплыл, правя к истоку Волхова. Здесь он приютился у правого безлюдного берега, желая дожидаться ночной темноты. Между тем Избор пришел в себя.

– Что это? Сон я вижу? – простонал он. – Какой там сон! Не во сне, а наяву твой Вадим ножом тебя пырнул! – отозвался норманн.

– Рулав! – воскликнул Избор, узнавая старика.

– Конечно, он! Будь мне благодарен. Только пока лежи спокойно. Молчи, сейчас придумаем, что нам делать. Не шевелись, а то еще опять кровь пойдет.

– Но что случилось?

Рулав рассказал Избору коротко обо всем происшедшем.

– За какого-то там вашего волхва меня этот негодник принял, – сообщил он в конце, – где только укрыться нам?

– Свези меня в Новгород, к Гостомыслу, – чуть слышно от слабости пролепетал Избор, – у него теперь гости из вашей Скандинавии.

– Клянусь Тором, – крикнул Рулав, – ты это хорошо придумал, мой милый мальчик! У Гостомысла мы будем в полной безопасности, а если там еще есть мои земляки, так нам все ваше Приильменье не страшно.

Лишь только стемнело, он перевез лишившегося чувств Избора в Новгород, сообщил обо всем случившемся Гостомыслу, а тот укрыл раненого в своих хоромах.

Здесь Избор и Рулав были в полной безопасности.

Никто, даже сам Велемир, не осмелился бы, несмотря на всю свою власть над приильменскими славянами, искать беглецов в посадничьем доме, где они, кроме того, были под охраной сильной дружины.

В самом деле, отряд норманнов возвращался по великому пути из далекой Византии в свои холодные фьорды и по пути остановился отдохнуть да попить у гостеприимного новгородского посадника. Во главе норманнов стояли старые друзья и соратники Рулава – Стемид, Фарлаф, Ингелот.

Радостна была встреча друзей! Сперва Рулав и Стемид всеми силами старались сохранить равнодушную важность, но это не удалось, и в конце концов старики, как молодые пылкие влюбленные, кинулись друг другу в объятия, а когда разошлись, на глазах у того и другого была заметна влага.

На радостях даже о Велемире оба позабыли.

Только когда прошли первые восторги, на голову старого жреца так и посыпались проклятия, причем в этом никто из норманнов не уступал друг другу.

Нечего говорить, что и остальные дружинники примкнули к ликованию старых друзей и вместе со Стемидом радовались возвращению Рулава, которого все они давно уже считали погибшим.

За общим ликованием они и не заметили озабоченного лица Гостомысла.

Новгородский посадник прекрасно понимал, что ему придется повести из-за Избора с Велемиром борьбу не на живот, а на смерть.

Трудно было предположить, чтобы хищный жрец Перуна легко отказался от своей жертвы. Уже ради сохранения одного только своего достоинства должен был он потребовать казни Избора как оскорбителя грозного божества. Гостомысл прекрасно понимал, что рано или поздно спасение Избора будет известно всем, и тогда-то Велемир, пользуясь своей неограниченной властью, начнет немедленную борьбу с ним.

Всею душой любил новгородский посадник своего племянника, но было еще нечто другое, что для него являлось, пожалуй, самым дорогим на свете.

Но все-таки родственное чувство заставляло его искать средства для спасения племянника. Гостомысл изоощрял весь свой ум, чтобы отыскать такое средство, и наконец ему показалось, что он нашел его.

«И чего лучше! Норманны скоро уходят. Старый Бьерн, конунг Сигтуны, всегда был моим другом. Он не откажется приютить Избора! – мелькнуло в голове Гостомысла. – А там будет видно!»

Мгновенно составил план, и Гостомысл сейчас же приступил к его исполнению.

Прежде всего, он сообщил свою мысль Стемиду, и тот пришел в восторг, когда услышал предложение Гостомысла.

– Клянусь Тором, твой Избор скоро прославит у нас свое имя! – воскликнул он. – Медлить нечего! Двух его братьев оставь пока у себя, подрастут – присылай и их в Сигтуну, а Избор, как только немного поправится, пусть идет с нами!

Избор вполне был согласен с предложением дяди.

Так очутился он на ладье скандинавов, где его увидал бессильный теперь Вадим.

Вместе с Избором с варягами уходили и его друзья.

Предсказание

Погадай-ка мне, старушка!

А. С. Пушкин

Все, даже ветер, как будто благоприятствовало ватаге приильменских выходцев, направлявшейся к холодным берегам Скандинавии.

Ладьи у них были легкие, ветер попутный, так что и на весла редко приходилось садиться. Еще не оправившийся от ран Избор находился на ладье Стемида.

Старый Рулав, как самая заботливая нянька, ухаживал за больным юношей. Полюбил он Избора и души в нем просто не чаял, что сын родной стал юноша старику.

Одинок был старый норманн – никого у него не было на белом свете, а может ли сердце человека без привязанности быть?

Конечно же, нет!

Когда Рулав увидал Избора, сраженного его вероломным товарищем, после того, как им обоим пришлось избежать ужасной опасности, счастливо убежав из перынской заповеданной рощи, старый норманн почувствовал, что его сердце сильно забилося.

Жаль ему стало этого стройного юноши с таким открытым и мужественным лицом. Вспомнил Рулав и себя в юности и невольно подумал: «Вот ведь и я такой же когда-то был! Не хочется умирать, когда жизнь только еще расцветает. Жаль его!»

Скандинавы были безумно храбры в битвах, беспощадно истребляли врагов, но в сердцах их всегда жила жалость к слабым, и им суровые норманны никогда не отказывали в возможной помощи.

Общая опасность, кроме того, еще более сблизил Рулава с Избором, и теперь старый норманн ревниво поглядывал на Стемида, когда юноша, грустно улыбаясь, заговаривал с тем.

Но ревность сейчас же проходила, как только Рулав вспоминал о всем происшедшем в той роще.

Раскаты его хохота гулко разносились по пустынным берегам Волхова, когда он представлял себе Велемира, когда тот узнает вдруг, что его жертва ускользнула от него.

Избор же долго не мог прийти в себя.

Когда он несколько оправился, страшное заклятье произнес он на свою оставленную родину:

– Всего ты меня лишила! – воскликнул он. – Не матерью мне была, а злою мачехой. Сама прогоняешь ты меня от себя. Сама отнимаешь меня от себя. Так клянусь я вернуться к тебе, если только жив останусь. Клянусь из края в край пройти по тебе с огнем и мечом, и вспомнишь ты тогда отвергнутого сына. Отомщу я тебе, и будут плач и мольбы, да поздно! Пока не натешусь вдоволь, не опущу меча своего. Не изгнанником вернусь к тебе, а господином.

– Мсти! Месть – сладкий дар богов, – поддержал Рулав, – верь, у нас в Скандинавии ты скоро будешь берсерком.

– Да, отомщу! – произнес в ответ Избор и угрюмо замолчал. Отъехав порядочно от Новгорода, вся ватага выходцев из Приильменя сделала привал. Лады были причалены к берегу, люди сошли с них и, прежде всего, решили выбрать себе предводителя.

Спору и крику было не много. Вождь у славянских выходцев был давно намечен. Почти в один голос все они пожелали, чтобы «верховодил» у них их общий любимец Избор.

Избор долго отказывался от этой чести, но просьбы были так упорны, что в конце концов он должен был согласиться.

На самой маленькой ладье идет он по Волхову во главе небольшой флотилии. Далеко впереди белеют паруса драккаров скандинавов. Из них только один Рулав остался с Избором, решив никогда более не разлучаться с ним. Весел старый норманн. Скоро-скоро увидит он и дорогую родину, и милые фьорды – весел так, что даже распелся.

Войне от колыбели
Я жизнь обрек свою,
Мне стрелы в детстве пели,
Когда я спал, «баю!»

Поет веселый Рулав драгу про героя фьордов Олава Трюггвассона.

Настроение Рулава заразительно действовало на всех его спутников, среди которых преобладали молодые люди, и без того склонные к веселью.

Не было на славянских ладьях грустных задумчивых лиц, несмотря на то, что все они шли в далекую, чужую им страну искать неведомого счастья.

Даже Избор, чем ближе подходили к Нево, становился все менее и менее мрачным.

Он с большой охотой слушал рассказы Рулава о тех местах, мимо которых проходили ладьи.

– А вот тут в земле славянской был посланец христианского Бога, – показал Избору Рулав на покрытую горами местность правого берега Волхова.

– Христианский Бог, – вспомнил свою мольбу юноша. – Он всемогущ!

Однако сейчас же ему пришло на память злодеяние Вадима, и снова, как в мощных тисках, сжалось его молодое сердце, и мрачные думы овладели им.

Время между тем летело незаметно.

Драккары скандинавов давно уже скрылись из виду, когда ладьи славянских выходцев только подходили к волховским порогам. Издалека еще донесся до слуха путников неясный шум; течение становилось все быстрее и быстрее, идти по реке было опасно.

В то время волховские пороги были совершенно непроходимы. Даже скандинавы, безусловно, искусные в мореплавании, не рисковали пускаться через них на своих судах. Славянские же выходцы, очутившиеся в этих местах впервые, и подавно не решались на такую попытку.

Ладьи пристали к берегу, скоро составился совет, и на нем решено было пройти пороги «волоком», перетаскивая суда берегом в тех местах, где река представляла опасность.

Начинать «волоком», однако, сразу после остановки не пришлось. Наступила ночь. Волей-неволей приходилось заночевать на берегу.

Запылали костры. Около одного из них расположился по-прежнему грустный Избор, безучастно смотревший, как хлопотал над приготовлением ужина его друг Рулав.

Невдалеке от привала шумел лес. Он чернел в сумраке наступавшей ночи мрачною массой. Рулав, занятый хлопотами, нет-нет да и кидал взгляд в сторону этого леса.

Сильно озабочивала старика эта постоянная грусть его молодого любимца, и он все это время думал, как бы развлечь Избора.

Между тем отдохнувшие варяги принялись за работу. Они суеились около того места, где пристали ладьи, и уже стали готовиться к трудному путешествию посуху.

– Знаешь что? – сказал Избору старый Рулав. – Здесь в лесу есть избушка, пойдем туда!

– Зачем?

– Там живет прорицательница, и никто из проходящих здесь волоком вождей не минует ее. Все заходят узнать свое будущее.

Избор, уступая просьбам Рулава, пошел.

Идти пришлось не особенно далеко. Действительно, как и говорил старик, у опушки леса приютилась ветхая хижина.

– Зачем пожаловали? – встретила их ее обитательница. – Или грядущее свое узнать хотите?

Прорицательница была дряхлая старуха и имела такой вид, что смело могла бы внушить ужас людям даже не робкого десятка.

– Именно, грядущее узнать, матушка! – и за себя, и за Избора отвечал норманн.

– Многих молодцов я видела здесь и все туда, за Нево, идут. Мало только кто возвращался оттуда, – ответила старуха. – И тебя я видала, – обратилась она к Рулаву, – что же, исполнилось то, что я тебе предсказала?

– А ты помнишь, матушка, что предсказала?

– Стара и слаба я стала, да и многим из вас я уже ворожила, где же все запомнить!

– Так я тебе напомним! Ты, матушка, предсказала мне, что я умру от дружеской руки и хотя и на поле брани, но не в битве. Ты мне говорила, что меня поразит ближайший и любимейший мой друг!

– Так, так, – закивала старуха, – теперь вспоминаю. Еще отговаривала я тебя ходить в земли славянские.

– Да, отговаривала! Ты предсказала мне, что умру я от руки друга-славянина. А видишь, я живым и невредимым возвращаюсь обратно. Там же, – кивнул в сторону Ильменя Рулав, – друзей-славян не было. Были и остались одни враги только. Видишь, не всегда ты верно гадаешь. Целым и невредимым стою я пред тобою. Не сбылось на мне твое предсказание!

Старуха взглянула на Рулава и покачала косматой головой.

После минутного молчания в хижине зазвучал ее хриплый голос:

– Не сбылось мое предсказание, стало быть, сбудется, и гадать тебе нечего!

– Так вот товарищу моему погадай! – попросил Рулав.

– Хорошо, – согласилась старуха.

Она подошла к Избору, взяла его за руку и, как бы желая проникнуть в тайники его души, устремила в его глаза свой пронзительный взор.

Юноше вдруг стало жутко, но в то же время он чувствовал, что какая-то непостижимая сила не позволяет ему опустить глаз.

Наконец старуха отошла от него и, взяв угляй, кинула их в костер, расположенный на земляном полу ее хижины.

Костер разом вспыхнул, яркое пламя озарило хижину. Багровый его сноп взвился к отверстию в потолке и вслед за тем густой дым окутал на мгновение все. Избор и Рулав невольно отшатнулись, так как пламя разгоралось все сильнее и сильнее и ярко-желтые языки его, раздуваемые ветром, высоко поднимались к небу.

Пламя озаряло фигуру прорицательницы, как бы застывшей над костром. Она, ни разу не моргнув, глядела на пламя, причем лицо ее принимало то страдальческое, то радостное выражение.

Наконец дым рассеялся.

– Видела, все видела! – прошептала она и вдруг, будто приподнятая какою-то неведомой силой, быстро подошла к Избору.

Юноша с изумлением смотрел на нее.

Он даже и не подумал отшатнуться, когда старуха опустила свои костлявые руки ему на плечи, и с вниманием стал прислушиваться к ее отрывистому шепоту.

– Видела я в дыму будущего страну великую. Много городов в ней крепких и сильных. Богата и могуча эта страна, славнее всех она, сильнее всех она между остальными странами мира. И все, населяющие ее города и веси, довольны и счастливы!

Старуха остановилась, сняла руки с плеч Избора и, выпрямившись, громко воскликнула:

– Великое будущее у тебя, юноша! Такого никогда еще ни у кого не было и не будет! Слава, почести, власть ждут. Ты будешь повелителем той огромной страны, которую я видела. Солнце никогда не будет заходить в твоих владениях, и из рода в род будет увеличиваться твоя страна. Сотни лет будут править твои потомки, вооружаемые вечною славой, а имя твое перейдет в память всех городов во веки веков! Приветствую тебя, владыка полмира!

И она с этими словами низко-низко поклонилась Избору.

– Когда же это будет, матушка? – спросил юноша, пораженный загадочными словами.

– Когда ты будешь соколом! – ответила старуха и смолкла.

Варяги

Сокол

Приильменскую славянщину постигла беда-напасть великая.

Точно волны морские по песчаной отмели, разлились дружины скандинавские по лицу земли славянской. Запылали ярким пламенем жалкие селенья. Где проходили скандинавы, там уже и следа жизни не оставалось – все стирали они с лица земли. Много было среди скандинавских дружин славянских варягов, шедших теперь с огнем и мечом на родину свою. Знали они все ее леса и дубравы, и по таким дебрям, где, казалось, не было проходу ни конному, ни пешему, теперь совершенно свободно проходили целые отряды. Напрасно прятались в леса жители выжженных селений, напрасно закапывали они в землю все свои богатства – все находили скандинавы.

Славяне звали их варягами, потому что это наименование более им было знакомо и известно, и нашествие варягов было для них ужасным бедствием. Гневу богов приписывали они успехи чужеземцев, не подозревая даже, что главная их причина заключалась в тех славянских выходцах, прекрасно знавших край, которые шли вместе со скандинавами, да еще в той розни, какая царила на Ильмене не только что между отдельными племенами, но даже и родами.

Как ни храбры были отдельные славяне, их храбрость не могла отразить натиска грозного врага.

Ни один старейшина с берегов Ильменя не хотел покориться другому, каждый хотел идти во главе других, быть старшим; не было и тени согласия, царила рознь, и следствием этого были постоянные поражения. Норманнские дружины слишком хорошо были организованы, да и вооружение скандинавов было гораздо лучше славянского.

Было и еще одно обстоятельство, которое как нельзя более способствовало успеху варягов. Вел их в приильменскую страну не кто иной, как Избор.

На берегах Ильменя никто и не вспоминал о нем. Забыли его совсем, да и кто бы мог подумать, что во главе варяжских дружин стоит изгнанник, столь жестоко отвергнутый родиной.

Избор не потерял в Скандинавии даром времени. Он в Уппсале радушно был принят королем Бьерном и скоро сумел показать себя таким храбрецом, что его имя с уважением стало произноситься на фьордах. Мало того, выходцы из славянщины, поселившиеся на полуострове Рослагене и называвшиеся, в отличие от других, варяго-россами, скоро признали его своим вождем. Избор, таким образом, стал по положению своему равным конунгам Скандинавии, а когда престарелый Бьерн выдал за него дочь свою Эфанду, многие думали, что славянский выходец будет наследником конунга.

Но не того жаждал Избор.

Он не забыл своей клятвы и, лишь только укрепил свое положение, поднял норманнов и варягов к походу на Приильмень.

Поход обещал богатую добычу.

Пикты, саксы и даже франки были истощены частыми набегами норманнов, Приильмень же никогда не видел их у себя иначе, как с самыми дружелюбными намерениями.

Вот теперь и пришлось встретить приильменцам «гостей».

Наступил 850 год – первый, отмеченный на скрижалях нашей истории. Быстро достигли победоносные варяжские дружины Ильменя. Пал под их натиском Новгород. Овладев им, рас-

сыпались варяги по берегам великого славянского озера, грабя прибрежные селения и выжигая их.

Вадим, ставший после смерти отца старейшиной своего рода, храбро защищался на берегах Ильменя, но, конечно, не мог сдержать натиск северных удалыцов.

День быстро близился к вечеру. Красные, как зарево, облака стояли на небе. Густой дым столбом поднимался над тем местом, где еще недавно стояло цветущее селение наследника Володислава, его любимого сына Вадима! Груды пепла да обгорелых бревен остались от него. С горстью последних защитников родного угла бьется против варягов потерявший уже всякую надежду не только на победу, но даже на спасение Вадим. Отчаянная храбрость его вызывает удивление врагов. Он как будто изменился в тот миг, который сам посчитал последним в его жизни. Спасения нет и быть не может – нечего и дорожить собою. Но силы оставляют Вадима. Он видит кругом груды трупов. Вся его дружина, делившая с ним и разгульные пиры, и кровавые потехи, костями легла на этом поле смерти.

Теперь и за ним очередь.

Смутно, словно через дымку тумана, видит Вадим, как взмахнул тяжелой палицей над его головой гигант-варяг. Мгновенье. Глухой удар. Тупая боль разлилась от головы по всему телу несчастного. Вся кровь будто хлынула вверх к темени. В глазах закружили зеленые, красные огоньки. Вадим зашатался и с глухим стоном рухнул на грудь мертвецов-товарищей.

И в этот последний свой миг он услышал громкий победный клич врагов и нашел в себе силы открыть глаза.

Прямо к нему подходил небольшой отряд прекрасно вооруженных варягов, очевидно, главных начальников дружин.

Они подходят ближе и ближе.

Вот один из них, почтительно склоняясь к другому, говорит:

– Здесь, конунг, лежит последний из сопротивлявшихся нам славян. Вот он!

Вадим видит, что варяг наклоняется, чтобы взглянуть на него, и сразу же узнает в нем Избора.

– Мал, ты был прав! – шепчет Вадим.

Глаза его закрылись, он тяжело вздохнул.

– Не стоит добивать, – сказал один из скандинавов и вложил меч в ножны.

Избор – это был он – тоже узнал Вадима. Грустный, печальный, возвратился он в свой шатер. Мрачные думы так и роились в его голове.

– Вот и исполнил я клятву! – шепчет он. – Ужасна была моя месть отвергнувшей меня родине, но отчего же у меня так тяжело на сердце?

В самом деле, не удовлетворила, а еще более нагнала на Избора тоски так желанная им месть. Имя его прославляется скальдами. У него новое отечество, у него в Скандинавии семья. Даже здесь с ним брат его жены Олав, конунг Урманский, один из храбрейших викингов Скандинавии, здесь его братья Сигур и Триар, которых послал к нему Гостомysl, как только они подросли.

А нет ему облегчения в гнетущей его тоске.

Он видит свою родимую страну в море огня, родная кровь – кровь его братьев – лилась рекою, и всему этому главною причиною был только он, один он.

Он привел в родную страну толпы свирепых чужеземцев, он пролил потоки родимой крови. И все он, он.

За что? Разве виноваты в чем-либо эти несчастные, погибшие в пламени или под мечами свирепых скандинавов? Разве они изгоняли его из родимой страны? Как он мог мстить многим неповинным за преступления немногих виновных?

Угрызения совести жестоко мучили Избора. С этим врагом не мог справиться храбрый берсерк, отбрасывавший далеко от себя щит в пылу самой отчаянной сечи!

А кругом гремели победные кличи норманнов, торжествовавших свою окончательную победу над приильменской страной.

Размышления Избора были прерваны как раз тогда, когда тоска совсем овладела им.

Под сень шатра с веселым смехом вбежал Олав Урманский.

– Поздравляю, поздравляю тебя, наш славный вождь! – громко восклицал он. – Теперь, когда наши храбрецы сломили отчаянное сопротивление последних славянских дружин, славу твою скальды разнесут по всему миру.

Никакие тревожные думы не мучили Олава. Да и что ему? Ведь он был чужеземцем в этой несчастной стране. Ее беды ему совершенно чужды. Кровь ее сынов была ему не родной. Победа доставила ему только славу. Чего же более желать было удалому викингу!

– Перестань грустить, вождь, – говорил он, обнимая Избора, – я сообщу тебе весть, которая наполнит радостью твое сердце.

– Весть? Какую? – спросил Избор, грустно улыбаясь своему другу.

– Ты не раз говорил, что хочешь переменить свое имя, что прежняя вполне заслуженная слава перестала удовлетворять тебя. Так вот, теперь и это твое желание исполнилось!

– Нет, мой Олав, не говори так, не терзай моего сердца. Если я и приобрел новое имя, то это имя полно позора, оно – имя предателя.

Олав с изумлением поглядел на своего друга, закрывавшего в тоске лицо руками.

– Не могу понять, почему ты считаешь себя предателем? – пробормотал он.

– Разве не я привел вас на ту землю, которая была моею родиной?

– А, вот что! Ну, забудь об этом. Прошлого все равно не вернешь, будущее же наше. Не горюй! Кто знает, может быть, для блага этой страны привели нас сюда светлые асы. Храбр этот твой народ, но дик он. Может быть, нам удастся заставить его позабыть свою дикость. Но перестанем говорить об этом. Хочешь знать, как зовут тебя побежденные, как произносятся среди них твое имя?

Олав несколько мгновений помолчал и затем, таинственно нагнувшись к вождю, произнес:

– Рюрик!

– Что? – воскликнул тот. – Рюрик – сокол! Не может быть!

– Да, да, – подтвердил Олав, – ты сам знаешь: «рюрик» на языке скандинавов и «сокол» на языке славян – одно и то же. «Ваш вождь хищным соколом налетел на Ильмень», – говорят пленные. Даже и в песнях их ты так называешься! Вот тебе и желаемое тобою имя! Доволен ли ты, мой вождь?

Он при последних словах с тревогой взглянул на предводителя варягов, словно в забыты шептавшего:

– Что же? Неужели же исполняется предсказание? Я стал соколом. Да, соколом. Рюрик я!

– И ты непременно должен принять это имя! – серьезно сказал Олав. – Помни, что ты добыл его на полях битв, что сами побежденные так называют тебя. Повторяю тебе, ты должен назваться Рюриком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.